

Матушкина Дарья
Бодрова Александра

СВЕЧА ДОБРОГО

ОГНИ ВЕЧНОСТИ

Дарья Матушкина

Свеча Доброго

«Автор»

«Автор»

2026

Матушкина Д. С.

Свеча Доброго / Д. С. Матушкина — «Автор», «Автор», 2026

Анна Эстер должна была выйти замуж за короля. Ричард был ее единственным смыслом, ее жизнью, ее другом. Но лепестки волшебной розы белеют не от мороза, а оттого, что сердце милого ей больше не принадлежит. Если так, решает Анна, она все равно станет королевой, примет ее обличье. Одна зачарованная игла, одно зелье, одна служанка-травница Вот только она забыла о самом важном: ведьмам нет места на севере.

© Матушкина Д. С., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1	10
Глава 1	11
Глава 2	25
Глава 3	39
Глава 4	54
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Александра Бодрова Свеча Доброго

Пролог

Девочка упрямо закусил губу, но все равно коротко всхлипнула. Под теплый плащ, подбитый мехом, пробирался холод. Она подышала на израненные пальцы и беспомощно огляделась.

Куда ни кинь взгляд — только встрепанный кустарник, да елки в зеленых платьях с серебряной оторочкой. Снег, снег, всюду снег. Высокие сугробы доходили ей почти до колена.

Полы нового плаща намокли, из красного он сделался густо-винным. Девочка поежилась и закуталась в него поплотнее, натягивая капюшон поглубже, но тщетно. Холодно. Так холодно... Зубы застучали.

Ричард, конечно, наговорил ей всякого.

«Я знаю, зачем тебе нужен такой плащ. Чтобы не было видно крови невинных животных, которых ты убьешь своими руками», — сказал он и рассмеялся.

Не верил, что какая-то девчонка могла охотиться наравне с ним или даже лучше. Конечно, вряд ли она его превосходила... Но зачем принц насмехался? Вот обидно.

Но еще обиднее было потеряться на своей первой королевской охоте! За все девять зим жизни она не видела ничего величественнее и чудеснее. Развевающиеся плащи, звуки рога, смех и веселье...

А теперь все пропало.

«Ненавижу лошадей», — с ожесточением подумала она, вновь дуя на озябшие пальцы. Дома, в Утонувшей звезде, ее пони Сильвер слушался малейшего прикосновения к поводьям... Но ей не разрешили забрать его с собой. Да она и не хотела.

Новая лошадь, которую ей дали, была настоящей. Взрослой. Вот только это не помогло. Что с глупой кобылой делали конюшие, если с первыми звуками охотничьих рожков та испугалась и понесла?

Никто, наверное, не удержался бы в седле. Вот и она не смогла. Вылетев, сильно ударились, а очнувшись в совсем незнакомом месте.

Нет сомнений — теперь девочка заблудилась окончательно. Черные деревья смыкались вокруг и тянули к ней узловатые страшные руки. Она не кричала только потому, что от ужаса перехватило дыхание.

«С королем столько слуг, — подумала девочка. — Меня непременно отыщут. Этот плащ неспроста очень яркий... а королевские гончие способны отыскать куропатку в ледяной пустоши. Только не плакать, — решительно приказала она себе. — Ни за что не плакать».

Она до боли закусил одеревеневшие от холода губы и двинулась вперед, сама не зная, куда. Мокрый плащ обвивался вокруг лодыжек, содранная поводьями кожа болела. В сапоги набивался колючий снег.

— Птичка унесет боль высоко-высоко в небо, — повторила девочка песенку, которую когда-то пела ее мать. Вслух, чтобы не было так страшно. — Рыбка утопит боль глубоко в море... Мышка зароем боль глубоко в землю...

Но матери нет рядом. И больше никогда не будет, поэтому песенка не помогла. Без леди-матери это просто слова.

Она шла вперед, и с каждым шагом становилось труднее двигаться. Страшные елки цеплялись за полы плаща, на плечи и лицо сыпалась мелкая, острая пыль. И совсем не слышно было ни рожков, ни ржания лошадей, ни голосов придворных.

А вдруг ее не найдут? Никогда-никогда.

Слезы обожгли щеки. Сквозь дрожащую, плывущую пелену она почти ничего не видела.

— Эй! — раздался совсем рядом чей-то встревоженный голос. — Откуда ты взялась здесь, дитя?

Ой!

Поспешно вытирая стынувшие на щеках капли, девочка обернулась. И замерла.

На плечах незнакомки, нашедшей ее в лесу, был плащ, грубый, домотканый, как у крестьянок, но она ничем не напоминала простолюдинку. Они все либо измученные, печальные, непременно с узловатыми руками, как здесь, в Терравирис, либо хорошенькие, как соломенные куколочки, в цветных платьях, полноватые и румяные... Как дома.

Стоявшая перед нею женщина не походила ни на тех, ни на других. По ее плечу спускалась пшеничная коса, длинная, как у принцессы Гвендолин на портрете. Полускрытое капюшоном лицо казалось бледным и тонким. Позабыв обо всем на свете, забыв, что плакать стыдно, с сухим всхлипом девочка бросилась к ней.

Спасительница опустила капюшон, и на мгновение серебряная пыль окутала ее вспыхнувшим ореолом. У нее добрые глаза, поняла девочка. Большие, зеленые — и очень-очень добрые.

— Я потерялась, — прошептала она и покачнулась. — Здесь где-то охотники... королевские охотники... Не те, которые ведьм ловят, а которые зверей... и сам король. А моя лошадь понесла, и я упала...

От облегчения, что ее наконец нашли, девочка опустилась бы прямо в сугроб, если бы ее не подхватили ловкие, сильные руки.

— Совсем продрогла, — женщина укоризненно покачала головой. — Вот что, тебе нужно отдохнуть и согреться.

Девочка молча кивнула. Только бы не оставаться одной в этом страшном лесу!

Она покорно шла вслед за незнакомкой, стараясь не показывать, как сильно устала. Но та, кажется, поняла все без слов и взяла девочку за руку. Какие шершавые у нее пальцы...

— Как тебя зовут? — спросила она спустя некоторое время.

— Энни, — откликнулась девочка сонно и тут же поправилась: — Анна Эстер, с вашего позволения.

— О... А меня можешь называть Риной.

В голосе Риной Анне почудилась улыбка.

И больше не было страшно. Даже больно почти не было.

Анна закрыла глаза и представила, будто идет, держась за мамину руку... И почему-то, впервые с тех пор, как мама умерла, ей стало не тоскливо, а очень спокойно. Как будто она — кораблик, качающийся на волнах. Наверное, это и вправду волшебство: ей встретилась настоящая лесная фея, как в сказке. Ей даже показалось, что неведомое тепло согрело ее с головы до ног.

В маленьком домике вкусно пахло травами. В очаге пылал огонь, а в котле, подвешенном над пламенем, что-то весело бурлило.

В тепле заледеневшие пальцы закололо, и они с трудом справились с застежкой противного, насквозь промокшего плаща. Как приятно было его сбросить!

Оглядываясь, Анна несмело присела на лавку.

И тут ее взгляд упал на дальний угол. Там, на широкой низкой постели, укрытая тёплым лоскутным одеялом, спала девочка.

Ещё одна, спасённая доброй феей? Или...

— Это ваша дочка? — громко спросила Анна.

Кто бы мог подумать, что у фей бывают дети. Грета, ее няня, говорила, они рождаются сразу взрослыми и в платьях.

Рина, склонившаяся над очагом, резко обернулась:

— Тс-с, разбудишь!

— А можно её разбудить? Пожалуйста! — взмолилась Анна шепотом. Злить фей опасно, но ей так хотелось хотя бы немного поговорить с настоящим ребёнком феи. Вот принц Ричард обзавидует, когда узнает, что она видела!

Вот только фея Рина покачала головой:

— Моя дочка очень устала, госпожа. Не будем ее тревожить.

Анне оставалось только наблюдать за спящей.

Девочка была очень похожа на Рину — светлые кудри осеняли колечками белый, чистый лоб, щеки заливал прозрачный сонный румянец, словом, как и положено маленькой фее, она была хорошенькая, точно кукла.

Вот бы она повернулась спиной, тогда можно было бы посмотреть, есть ли у нее стрекозиные крылышки, а так...

Сотня вопросов вертелась у нее на языке, но она не осмеливалась их задать.

— Садись туда, — кивнула Рина на скамеечку в углу. — Займись своими руками. Как же ты умудрилась их так поранить? Где перчатки?

Анна послушно села, куда ей было велено, и принялась болтать ногами.

— А я одну потеряла еще в Рейнхилле. Вторая слетела уже потом...

За маленьким окошком сгущались чернильные сумерки. Анна поежилась. Если бы она сейчас была там, снаружи...

— Боишься темноты? — проникательно спросила Рина, окуная полоски ткани в густое зеленое варево. — Хочешь, расскажу тебе сказку?

Когда Владыка создал этот мир, он был таким же, как эта мгла за окном: пустым, тёмным и холодным. И тогда взяла Матерь тонкое веретено и свила на нем пламя. Вышла у нее тонкая огненная нить, и осталось только смотать ее в клубочек. Славный клубочек получился! Бросила Матерь его в высокое черное небо, и засияло солнце неподвижным огненным шаром, и стал мир наполняться светом и теплом.

Обрывки нитей упали на землю, и загорелись от них костры. И пришли к кострам дети рода человеческого. И воцарился на земле вечный день.

Пока однажды в Чертог богов не явилась кошка. Прыгнула она к Матери на колени и замурыкала так громко, что по небу прокатился первый гром.

И задрожали люди в страхе, и пламя костров стало гаснуть.

Спрыгнула кошка прямо на облако и стала играть с огненным клубком. Ударила она его лапой, и покатилося солнце по небу. И был закат, и был рассвет, и день, и тьма ночная.

Увидели Владыка и Матерь, что мир их хорошо устроен. И решили они, что будут у них дети.

Первенцем их был Воин, могучий и сильный. Открыл он глаза и увидел, что люди на земле слабы и беззащитны. Тогда сковал Воин меч крепкий и поклялся быть щитом от всякого зла и беззакония.

Следующими на свет явились, держась за руки, близнецы. Столь же похожи и столь же различны, как рассвет и закат. И взял Владыка детей крепкой рукой своей. И нарек одного Добрым, а второго — Светозарным.

Младшей дочерью была Мудрая. Явилась она в блистающих белых одеждах и рассмеялась. Смех ее раскололся, рассыпался по небу — так появились звёзды.

Росли старшие дети, расцветала и постигала новые знания младшая сестра, но счастье коротечно даже среди богов.

И сказал Светозарный Доброму:

— Разве не крепки наши руки, не остры мечи? Разве мы не достойны править? Разве Воин не силен, Мудрая не умна, а мы не милосердны и справедливы? Так для чего нам Владыка, зачем нам Матерь? О, брат, свергнем же нашего отца с престола!

Беззаветно любил Добрый своего близнеца, но стало ему страшно. Заплакал Добрый, и пролился на землю первый дождь.

Не хотел он предавать ни брата, ни отца с матерью — и пошел за советом к сестре. И сказала Мудрая:

— Тьма поселилась в Светозарном.

Разгневался Владыка, отобрал у Светозарного прежнее имя, нарек его Темным и изгнал, заточив в высокой облачной башне. А вход Матерь и Мудрая запечатали серебряным замком и поклялись охранять его, не выпуская Темного обратно в мир.

— Замок этот, — сказала Рина мягко, — и есть луна. Видишь, какая она крепкая? Ни за что Темный не вырвется.

Анна вздрогнула.

— Она становится маленькой, а потом опять подрастает... Почему?

Рина усмехнулась.

— Видишь ли, Добрый так любит своего брата, что тайком пробирается в его серебряную тюрьму, и пока он крадется мимо, на замок падает тень.

— А что потом?

— На одну единственную ночь новолуния близнецы меняются местами, и Светозарный, как прежде, шагает по земле во тьме.

— И Матерь с дочкой ничего не замечают? Как же они тогда защищают людей?

— Нас защищают другие слуги матери. Стоит им заметить в небе замок Темного, они немедленно напоминают ему, что земля и люди под защитой.

И, словно бы в ответ на ее слова, близко-близко раздался волчий вой.

— Вот видишь? Мы в безопасности.

Запах трав кружил голову, вгонял в сон.

Анна засыпала, будто околдованная пылью фей, засыпала так же крепко, как ребёнок Рины. «Жаль, — подумала Анна, пока веки ее становились все тяжелее. — А я так хотела посмотреть, как она летает... Как... летает...»

— Анна! Проснись!

Она испуганно распахнула глаза, не понимая, где находится. Спустя мгновение вспомнила. Лошадь... лес... Фея!

— Вы меня спасли, — шепнула Анна. Что бы в таком случае сказал отец? — Я благодарю вас... от своего имени и от имени благородного Син... Син...

Еще поклониться надо... Она сбилась и пристыженно смолкла.

Рина весело рассмеялась.

— Ну что, маленькая госпожа, руки уже не болят?

Анна покачала головой. Конечно, было немного обидно, что фея считает ее маленькой, но... она же фея. Грета говорила, они живут столетиями. Ей, наверное, и мама показалась бы маленькой госпожой.

Добрая фея Рина помогла ей надеть восхитительно теплый, сухой плащ. И когда он успел высохнуть? На миг Анна задумалась, не прошло ли триста лет, пока она спала — с феями такое случалось. Но, поразмыслив, решила, что так поступают только злые феи. Рина же добрая и обязательно выведет ее из чащи.

Снова вокруг сомкнулся лес. Под ногами скрипел снег. Но теперь Анна больше не боялась, и обратный путь показался ей гораздо короче.

— Пойдешь по короткой тропинке, — сказала Рина, — и встретишь там своих. Только никуда не сворачивай.

Она выпустила руки Анны, и, наклонившись, пристально заглянула в лицо.

— Иди и ничего не бойся, поняла? Я рядом. Если что, помогу.

В руках ее, будто сам собой, возник маленький сверток.

— Когда немного подрастешь, посади сюда цветок. Добавь по капельке своей крови и того, кого полюбишь всем сердцем.

Она шепнула ей еще несколько слов и, отступив на шаг, словно растворилась в зеленом полумраке.

Из-за деревьев неслышной серебряной тенью навстречу Анне вышла узкомордая собака. Четыре бесконечно длинных мгновения девочка и зверь смотрели друг на друга. Еще секунда — и собака сделала всего один плавный, бесшумный шаг навстречу.

Будто повинувшись чьему-то приказу, Анна коснулась ее теплого лба. Собака склонила голову...

И так же, как Рина, растворилась во тьме.

Часть 1

Декада Тёмного, 1273 год
Терравирус

Глава 1

Ее окна выходили на широкий внутренний двор. Рыжие листья, упавшие на мощеную камнем землю, сверху казались отпечатками лап диковинного зверя. Он словно тоже хотел сбежать. Прочь от осени. Прочь из этих мест.

В прозрачном, будто замершем воздухе плескались штандарты королевства Терравирис: два скрещенных серебряных меча на лазурном поле. Молодой король Ричард Тервальд отбывал в соседнее государство Ферлиберт.

Анне не нужно было стоять рядом, чтобы видеть его лицо — оно и сейчас, как наяву, стояло перед глазами. Красивое, точеное, оно могло бы показаться чересчур холодным, если бы изредка не оживлялось сияющей, почти мальчишеской улыбкой. Темные кудри, спадавшие на лоб, и мягкие завитки короткой бороды ещё больше оттеняли алебастровую кожу — о, как бы она хотела дотронуться до его щеки.

Но самым главным в Ричарде были, конечно, его глаза. Глубокого оттенка, как синий цветок примулы.

Цветок...

Она тихо всхлипнула и покосилась на розу в маленькой деревянной чашке. Когда-то эту чашку ей дала лесная травница и сказала:

— Если посадишь в ней семечко, окропив его капелькой своей крови и того, кого полюбишь, то у тебя вырастет цветок, самый прекрасный на свете. Станет он алым, как рассвет, и горячим, как пламя... пока сердце верное будет помнить тебя. Но как только изменится, станут лепестки холодны и белы, как первый снег.

У короля было много женщин, но ни одна не заставила цветок побелеть. Ричард, в чьих бы объятиях он ни находился, всегда помнил о ней, Анне... Вот и сейчас роза пламенела, как кровь — и даже такая малость была преступлением. Если о колдовстве прознают королевские охотники, то пошлют ее на смерть — таков закон Терравирис, где запрещено служить Мудрой. Хотя на вид это всего лишь роза. Никакой магии. И грустить вроде бы не от чего... Но как тяжело было провожать Ричарда в Ферлиберт!

На нём был простой дорожный дублет, застёгнутый на ряд серебряных, плотно сидящих пуговиц. Высокий воротник мягко охватывал шею, а широкие, собранные у локтей рукава заканчивались узкими манжетами. В прорези проглядывала тонкая шёлковая сорочка, а поверх был наброшен тяжёлый плащ, подбитый мехом.

Спустя несколько секстин пути ему придётся сменить свой костюм на нелепые южные одеяния. Или нет?

Он отправляется в логово врагов, но ни за что не станет уподобляться южанам. Он король. Ричард наклонился и что-то тихо сказал слуге.

Анна Эстер из своих покоев, конечно, не могла расслышать их голосов, но ощутила смутное беспокойство пополам с досадой. Прятаться здесь было глупо. Ей положено находиться там, внизу, в разноцветной стайке придворных, а она...

Слуга недоуменно пожал плечами. Ричард махнул рукой, отсылая его прочь резким, непривычным жестом.

Кажется, он был не так уж спокоен. Как жаль, что настоящего выражения его лица Анна не могла разглядеть... в её воображении он улыбался ей так, что заходило сердце.

Раздался стук в дверь. Анна торопливо выпрямилась, смахнув со щек непрошенные слезы. — Войдите.

— Герцогиня Эстер, — в дверях показался слуга, приветствуя ее низким поклоном. — Старшая придворная дама просила передать, что ваше отсутствие вызовет недовольство Его Величества.

Анна поморщилась. Леди Браун слишком витиевато выражается. Впрочем, как и всегда.

Сердце бешено заколотилось о ребра. Но если Ричард правда недоволен? Придется подчиниться.

Когда холодный утренний воздух хлестнул ее по плечам и забрался в прорези рукавов, она вспомнила, что даже не надела плащ.

Сквозь толпу придворных было не протолкнуться, но она все же увидела леди Браун. Как всегда высокую, статную, несмотря на лета. В руках она держала церемониальную Прощальную чашу. То есть, конечно же, не её — так чашу называли в Ферлиберт. И в Утонувшей звезде.

Анна почти опоздала. Обряд в Терравирис куда короче, чем в соседнем государстве: провозжая путника в дорогу, здесь молят о благословении не шестерых богов, а лишь одного Владыку.

Ричард уже склонился над чашей, покорно, как дитя. А она могла только молча смотреть — и то ли невысказанные слова, то ли невыплаканные слезы душили ее.

Случится что-то непоправимое. «Не уезжай! — хотелось крикнуть ей. — Не надо».

Странная тишина висела в воздухе. Так обмирает толпа, когда топор палача застывает в воздухе. Напрасно она ждала, что он подойдет и попрощается. Ричард выпрямился, а через минуту уже был в седле.

После она гадала: то ли ей самой хотелось в это верить, то ли Ричард и правда отыскал ее взглядом в толпе и едва заметно ободряюще улыбнулся.

Прозвучал приказ, рог откликнулся — и колонна под сине-серебряными штандартами хлынула из ворот, как морская волна.

Ее тихого «Возвращайся скорее» никто не услышал.

Замок без Ричарда опустел. Без короля, без его приближенных Белый Меч казался безжизненным и тихим, как комнаты смертельно больного.

Дни тянулись мучительно медленно. Анна считала про себя, как дитя на уроке с мэтром: шесть дней прошло — миновала секстина. Десять секстин — декада. По декаде на каждого из богов — Владыки, Матери, Воина, Доброго, Мудрой и Тёмного — вот и год пройдет. Но Ричард не задержится на целый год!

Он отбыл в пятую секстину Мудрой. А сейчас шла уже четвертая секстина Тёмного. И вправду уже почти целая декада миновала. И ни одного письма, ни строчки не прилетело с гонцом из Ферлиберт.

Сидя вместе с другими придворными дамами за вышиванием, Анна то и дело поднимала взгляд. Из высоких стрельчатых окон Соколиной башни был виден не только внутренний двор замка, отсюда можно было рассмотреть столицу едва ли не целиком. Белый каменный Рейнхилл с высоты казался похожим на припавшую грудью к земле чайку, широко размазавшую крылья по низине.

Вдалеке серебряной лентой вилась Королевская река, впадавшая в Лату. В легком белесом тумане таял широкий Королевский тракт, окруженный топиями и мелкими, затянутыми ряской озерцами.

Если идти прямо и никуда не сворачивать, гниlostные болота, полные душных испарений и звона гнуса, сменялись сначала чахлым лесом, редким, как поросль на макушке у старика, а затем и мощными вековыми соснами и елями, хранившими этот путь, будто стражи.

Эти земли издавна были суровы. Однажды Терравирис отринул Мудрую, Воина и Доброго как ложных богов, перестал им молиться. И заплакала тогда Мать, а слеза ее стала

небесной звездой. Вместе с потоком камней, тянувшихся за нею диковинным шлейфом, низверглась она на землю, прямо в воды Королевской реки.

Многие пытались добыть звезду со дна, но никому это не удалось. Она исчезла, но камни, что летели вместе с нею, достались людям: упали те на берег, вынесло их волнами на чистый песок. Из них и выстроили замок, что называли Утонувшей звездой.

Жемчужина на берегу реки. Родовой замок Эстеров.

Лунными ночами, шептались старухи, до сих пор можно было увидеть смутное серебряное свечение, точно небесное пламя все еще пылало где-то там, в глубоких холодных водах.

Так и повелось с тех пор. Много было войн между Терравирис и Ферлиберт, но всегда меж ними стояли Эстеры.

Как давно люди не знали настоящей войны? Четыре десятка лет? Больше? Все равно — хотя люди речных земель издавна берегли границу, в лесах до сих пор бродили разбойничьи шайки... Но на короля, конечно, напасть не посмеют.

Анна вздохнула. Заезжал ли Ричард в речные земли? Непременно стоило спросить.

Как славно было бы побывать дома! Но сколько она ни упрашивала, сколько ни умоляла взять ее с собой, Ричард был непреклонен:

«Вас, Эстеров, в Ферлиберт не любят. Твои земли издавна охраняют покой Терравирис, на руках твоих предков, а значит, и на твоих, немало крови южан. Как думаешь, обрадуются тебе Фернеолы?»

«Но теперь между королевствами мир», — хотела сказать Анна. И не могла. Потому что была уверена — дело не только в этом.

У короля Генриха Фернеола подрастала дочь. Девушка на пять зим младше Ричарда, восемнадцатилетняя Катриона. Ричарду доставили портрет принцессы... Откуда бы, скажите, взяться этому портрету?

Катриона. Милое, белокурое создание, сотканное из золота и розового шелка. Получите еще голубые глаза в придачу. Совершенная противоположность ей, Анне.

Впрочем, портреты часто льстят... возможно, что Катриона и вполтину не так хороша, как о ней рассказывают.

Но что толку для самой Анны? Никакая магия не сделает ее тяжелую темную гриву легкими светлыми косами, карие глаза не станут оттенка южного неба, острый подбородок никуда не денется, и желтизна с лица не уйдет, сколько румян не изводи. Анне уже минуло двадцать зим, и ей никогда не стать такой девушкой, каких предпочитает Ричард, радостной и смешливой. «Ну, улыбнись же ты!» — не раз в отчаянии просила её королева Элеонора. Но горе после смерти родителей будто оставило печать на её лице — да так и не исчезло за годы.

Анна все равно с тоской ждала: не появятся ли на горизонте синие полотнища? Не раздастся ли топот копыт? Увы! Вокруг было тихо и мертво.

Небо затянуло белесыми тучами. Медленно и плавно раскачиваясь в утреннем воздухе, на темные узловатые ветви деревьев, на мощный светлым камнем двор упали первые снежинки. Все застыло, замерло под холодным дыханием зимы. Мир за окном, прикрывшийся прозрачной вуалью, казался ненастоящим.

Звонящую тишину нарушила маленькая Диана Уайтграсс, сидевшая подле леди Браун. Вместо полотна она держала в руках большую куклу.

— Весной здесь будет весело, правда, леди Браун? Даже куклам позволят сшить новые платья.

— С чего ты так решила, дитя? — сухо отозвалась пожилая леди, кладя руку на плечо девочки, но было поздно.

Вмешалась Луиза Клеран, переставшая даже делать вид, что ее интересуют стежки:

— Все же знают, что король привезет из колдовских земель молодую королеву!

— Ай!

Иголка сломалась в пальцах Анны, на коже немедленно выступила бусина крови и упала на вышитое полотно — прямо на сине-серебряные волны герба Эстеров, замавав самый кончик золотой звезды. Она вскрикнула.

— Как же вы так неосторожно, леди Анна? — глядя ей прямо в глаза, сказала Луиза. — Или задумались о чем-то? Вернее сказать, о ком-то.

Послышались сдавленные смешки.

Анна ощутила, что вновь покраснела. Крепко сжав правый кулак — лишь чтобы остановить кровь, — она заставила себя любезно улыбнуться.

— Иглы чересчур тонки. Смотрите и вы, миледи, будьте осторожны.

«Не то эта игла у тебя в горле окажется, дура проклятая».

Видимо, последняя мысль очень ясно отразилась на ее лице, так что леди Браун поспешила вмешаться:

— Леди, не хватало ссор в отсутствие короля! Сейчас не самое веселое время, — добавила она чуть мягче. — Но... в три часа после полудня вас ждет кое-какое развлечение.

Девушки оживились.

— Какое?

— Леди Браун, умоляем, скажите!

Были забыты и новая королева, и опостылевшее вышивание.

— Леди Браун!

Та только коротко вздохнула.

— Да хранит Владыка нас всех... Снова поймали ведьму.

Больше иных зрелищ в Терравирис любили казни, и поэтому весть эта вызвала немалое оживление в уснувшем без хозяина замке. Посмотреть на конец ведьмы стягивались простолюдины и благородные, мужчины, женщины и дети.

Если бы в руке Анны сейчас был десяток игл, она сломала бы их все и не заметила.

Процессия королевских охотников в черных плащах с меховой оторочкой напоминала гладких крыс с лоснящимися шкурами. Мелкие острые зубы уже пились в добычу и больше не отпускают.

Охотники остановились у наспех сколоченного деревянного мостка.

Толпа зевая, жадно припадая к ограждению, ловила каждое их слово, каждый жест.

Главный королевский охотник, сэр Джон Блэксворд, выступил вперед. Его сухое лицо под кустистыми серебряными бровями, напоминающее слегка вытянутую морду старого лиса, не выражало ничего.

Разглядывая его, Анна в очередной раз подумала: каково это быть одновременно лекарем и палачом?

— Мы исцеляем не только ваши тела, — негромко начал Блэксворд, будто вторя ее мыслям. — Если плоть начинает гнить, мы ее отсекаем. Так же и ересь, и поклонение иным богам, кроме Владыки, подобно гниющей плоти...

— Нет иных богов, кроме Владыки, — эхом откликнулась толпа.

Но Анна знала — другие боги были. Даже если в Терравирис они под запретом, как и женщины, колдующие без разрешения.

На мгновение ей показалось, что Блэксворд взглянул прямо на нее... Что он знает... Знает, о чем она думает. И она заставила себя не отводить взгляд, так, будто ее это ничуть не касалось.

Подручные Блэксворда выволокли на мост женщину, уже одетую в погребальную, грубо сотканную рубаху. Бедняжка даже не сопротивлялась — руки ее висели, как тряпичные, пережатые тонкой веревкой.

Во льду уже была вырублена полынья, ощерившаяся жадной пастью с ледяными зубами.

— Сознаешься ли ты в служении ложной богине?

Женщина что-то неразборчиво промычала разбитыми в кровь губами. Блэксворду не нужны были признания, уже полученные сполна. Он равнодушно оглядел щуплую, дрожащую фигурку и провозгласил:

— Светлое пламя Владыки да не очистит тебя.

— Захлебнешься ты в черных водах реки мертвых, — стройным хором подхватили его ученики.

— И имя тебе будет — забвение. И не спасут тебя огни вечности.

«Не отводи взгляд, — приказала себе Анна, внутренне содрогаясь, — смотри. Может быть, ты ее знала... Видела когда-то...»

Но опознать кого-то в этом подобии призрака было невозможно. Белое лицо, искаженное страхом близкой смерти, уже не принадлежало этому миру. Если она и знала несчастную, если и видела... то не такой.

Забили барабаны, отмеряя ритм последних шагов несчастной. Ноги совсем ее не держали, и к краю мостков ее пришлось почти нести.

«Смотри», — приказывала себе Анна.

Бам.

«Смотри, чем ты сама можешь кончить».

Бам. Бам. БАМ!

«Смотри!»

В последний момент она закрыла глаза.

Короткий крик и всплеск заставили горло сжаться от подкатившей дурноты.

Ей снились порывы зимнего ветра. Она замирала посреди ледяной пустыни — маленький осколок теплой плоти с быстро бьющимся сердцем. И ветер лениво, как большая собака, облизывал ее огромным, холодным языком.

Глаза отчаянно слезились, но она подняла голову вверх, к побелевшему зимнему небу. Там, в облаках, что-то виднелось... Птица? Нет, не птица.

Ветер все усиливался... Да и ветер ли это был? Мир закрыли огромные крылья, зеленые, как листва на деревьях, и каждое перо в них было размером с парус. Это от них воздух дрожал и сотрясался.

— Лети со мной, — раздался голос, звучный, как пение труб. Солнечные лучи проходили сквозь перья, и золото обращалось в зелень.

— Не могу! Мне надо дождаться... дождаться... — но вот чего или кого, Анна не помнила. Ветер закладывал уши, мешал думать.

— За мной придут и другие, — прозвучало печально. — Матерь придет, и Владыка близко, а с ним Мудрая, и Добрый, и Воин. Но Тьма... Тьма ближе всего.

— Я не понимаю... — шепнула Анна.

— Лети со мной!

Рывок вверх, сквозь серебряный вихрь — и вот глаза уже ослепило яркое полуденное солнце.

Анна успела рассмотреть золотые знамена над раскинувшимся на четырех холмах городом — и все исчезло.

Пробуждение вышло резким, как от толчка. Ну надо же, холод ей не приснился. Ночью открылось окно, и ветер сдувал на пол холодные колкие снежинки. Ежась, она выбралась из постели и, приплясывая на ледяном полу, торопливо сдвинула створки.

Нужно позвать служанку. Огонь в камине почти погас.

Лязгая зубами, Анна хотела было вернуться под одеяло, как вдруг взгляд ее упал на розу. Сначала ей показалось, что цветок припорошило снегом, но, подойдя ближе, она убедилась: кончики лепестков побелели.

Травница не обманула. Ричард стал ее забывать.

Она, как будто омертвев, уже не чувствуя холода, медленно подошла к окну. Землю тихо укрывал снег. Крупные хлопья, похожие на белые птичьи перья, величаво покачивались в остекленевшем воздухе.

Как одиноко.

Чувствуя себя, как никогда, маленькой и слабой, Анна взяла в руки лютню. Струны отозвались тонко и тоскливо.

— Ваше Величество, как там, в чужой стороне?

Вас принимают как гостя, с вином или хлебом?

Там, под высоким лазурным ферлибертским небом,

Вы вспоминаете... хоть иногда обо мне?..

Голос ее взлетел к самому потолку и прервался. Ни строчки. Ни единого письма. Здоров ли он?

Когда он уезжал, в Ферлиберт пламенели клены. Солнце было прохладным, как полированное золото, а в Терравирис почти наступала зима. Сейчас же снега замечают оба королевства.

— Ваше Величество, замок без вас опустел,

Только хлопочут в углах обнаглевшие мыши;

Небо надвинулось низко, на самые крыши;

Мир, как покойник, под снегом уже побелел.

Каждое слово проворачивалось в горле, как клинок. Но, будто желая причинить себе еще больше боли, Анна продолжила.

— Ваше Величество, жду вас у самых дверей.

Знаю, на юге гораздо, гораздо теплее,

Музыка слаще, а песни поют веселее.

Ваше Величество, вы возвращайтесь скорей...

Голос ее был слаб, она задыхалась, горячие слезы текли и текли по щекам, падали на струны, на полированную деку инструмента, и он звенел, откликался не в лад.

Почему она плачет... Почему горе раздирает грудь изнутри, как будто уже случилось непоправимое?

— Жду этой радости — жду вас, опять и опять.

Может, вернётесь вы завтра, с лучами рассвета.

Боги добры, и вы вряд ли прочтете все это.

Письма сжигаю я, стыдно их вам отправлять...

— Где же ты, Ричард? — выдохнула она в холодное стекло.

Казалось, даже вчерашняя казнь не была настолько интересна, чтобы придворные дамы забыли о главном предмете своего интереса: принцессе Катрионе Фернеол. Это было невыносимо. Они ни на минуту не прекращали болтать.

— Если у нас будет ферлибертская королева, — понизив голос, сказала леди Аллин, — это значит, что ей разрешат поклоняться... ложным богам?

Луиза хмыкнула:

— Конечно. Королевские охотники начнут служить Доброму и поднесут лису чашку молока. Они ведь и лекари тоже, прямо как он. А потом настолько подobreют, что и ведьм топить перестанут.

Аллин казалась пристыженной.

— Я вовсе не это хотела сказать.

— Нет бога, кроме Владыки, — мягко прервала ее леди Браун, пресекая ссору. — Дети его и Мать, почитаемая нами превыше всех прочих, всего лишь наместники единой власти, молящие о нас, смертных.

— Но в Ферлиберт...

— Если у нас и будет королева, — поморщилась леди Браун, — она точно не будет еретичкой. И хватит об этом, дамы, уделите внимание завтраку.

Анна с благодарностью посмотрела на нее. Может быть, леди Браун права? Ричарду и в голову не придет взять себе такую жену... Он ненавидел колдовство. С самого детства.

Будь жива королева Элеонора, всё было бы так, как она хотела — и Анна давно была бы королевой.

Когда не стало Элиаса и Мариллы Эстеров, Анну на воспитание взяла королева Элеонора. В детстве Анна думала, что из доброты, но позже поняла, что из мудрого расчёта. Лорды-вассалы Эстеров, называвшие себя Синклитом Утонувшей звезды, в борьбе за влияние разорвали бы Анну на части.

Итак, она стала воспитанницей королевы, и как герцогиня, была выше всех по статусу при дворе — вслед за королевской семьей.

Утонувшая звезда, собирающая дорожное золото с путников по обе стороны границы, по закону могла присягать кому угодно. Последние двести зим, впрочем, приграничное герцогство было верно Терравирис. Что не мешало половине Синклита поглядывать в сторону южных земель.

А вот если бы Анна вышла замуж, и её потомки сели на трон Терравирис...

Это навсегда привязало бы Звезду к северу. Так же, похоже, думала и королева Элеонора — не прошло и пары декад, как Ричард и Анна были обещаны друг другу при свете священного огня.

Анна была счастлива — она полюбила своего принца с первого дня в Белом мече.

А вот Ричард...

Когда несколько зим назад не стало королевы Элеоноры, стихли и разговоры о скорой свадьбе. Анна не настаивала — Ричард должен был носить траур по матери. Но миновала одна декада, потом другая — и ничего не изменилось.

Только одно заставляло надежду теплиться — Ричард все-таки публично не разорвал помолвку.

Поэтому никто при дворе не смел просить её руки. Всё знали, что она принадлежит Ричарду.

Вот только он вёл себя так, будто ему всё равно.

Конечно, их обещания не были помолвкой в прямом смысле... Никто ведь не подписывал документы, но свидетелем их обещаний была сама королева.

Мёртвая королева.

Анну замутило, и она поспешно отодвинула кубок. Разговоры женщин, по счастью, уже крутились вокруг иных тем — но все же в этом щебечущем птичнике она чувствовала себя чужой. Как волчица в стае холеных домашних псов.

Быть может, ей следовало пойти в другое место? Не дав себе времени на раздумья, она поспешно сказала:

— Мне нездоровится, леди Браун. Позвольте мне прилечь.

— Могла бы и не спрашивать, всё равно никто и не заметит твоего отсутствия, — ядовито прошипела длинноногая Луиза.

Анна сделала вид, что не расслышала. Разумеется, оставаться в своих покоях она не собиралась. Если и было в столице место, где любая ведьма могла чувствовать себя в безопасности, то не в Белом Мече.

Она боялась признаться в этом самой себе, но уже больше не доверяла пустым словам старой королевы. Пять зим назад Вильгельмина обещала, что Ричард никогда ее не покинет — и что же? В чем еще она солгала?

Конь, всхрапнув, остановился у коновязи. Старая вывеска в виде когтистой лапы, сжимавшей большой кубок, тихонько поскрипывала на ветру. Всадник в глубоко надвинутом капюшоне молча бросил поводья подбежавшему слуге и легко спрыгнул на землю.

У порога таверны «Чаша и Коготь» неизвестного уже ожидали.

— Погода нынче теплая? — полувопросительно сказала Клара, хозяйка таверны. — Я была больна и давно не выходила из своих комнат наверху.

Любой лекарь-охотник со смеху бы помер, глядя на такую дебелую да румяную больную, как Клара, но фигура в капюшоне откликнулась:

— Светит солнце, даже ужи выползли погреться из своих нор.

— Проходи, — понизив голос, шепнула Клара.

Гостя откинула капюшон.

— Благодарю.

Клара без улыбки кивнула и настороженным взглядом проводила гостью, пока та не скрылась за маленькой дверцей, не предназначенной для обычных посетителей.

Принесли шигтены подарочек. Две зимы она сюда носа не показывала, и вот, явилась.

Подождав еще минуту и быстрым взглядом осмотрев улицу — не мелькнут ли где красно-черные плащи охотников? — она вздохнула и, придав лицу веселое выражение, с которым обычно обращалась к посетителям, сказала нарочито громко, перекинув толстую каштановую косу с одного плеча на другое:

— Кэсси, душенька, проследи, чтобы всем гостям хватило эля. Я отлучусь на полчаса, не больше!

— Да, госпожа Клара.

— И не забудь почистить передник, снова весь заляпала клюквенным соусом!

— Да, госпожа!

И не подумает ведь, с досадой вздохнула Клара. Снова будет позорить ее перед гостями...

Клара развернула ладонь, делая вид, что сдувает с кожи пылинку. Никто не мог и подумать, что она колдует — ей не нужны были все эти глупые взмахи руками и припадочные танцы у костра, — однако передник Кэсси был чист... Во всяком случае, пока она не опрокинет на него что-тонибудь еще. Ох и бестолковая же у нее ученица! Ни за что бы ее не взяла, если бы время не пришло.

Впрочем, лучше уж Кэсси, чем какая-нибудь высокомерная Анна Эстер. Слегка нахмурившись, Клара поправила выбившуюся из прически прядь и двинулась следом за гостьей, скрывшейся за дверью.

В единственном месте, где ведьмы Терравирис могли дышать спокойно... Хотя именно сейчас здесь было не продохнуть. В воздухе плавали разноцветные облака дыма — это старая Илмари снова раскурила свою трубку.

Закашлявшись, Клара замахала руками:

— Илмари-и! — завопила она. — Что я тебе говорила в прошлый раз?

— Что сломаете эту погань о колено, тетушка, — подсказала ей девчонка, настоящего имени которой никто не знал. Сестры звали её Маргариткой.

Со всех сторон раздались смешки. Илмари выглядела пристыженной, но трубку не погасила. Ладно, она разберется с этим позже.

Маргаритка... Даже здесь ни одна ведьма не могла чувствовать себя в полной безопасности, хотя, видит Мудрая, Клара делала для этого все, что могла. Особенно когда сюда приходила та, которая спокойно жила под носом главного королевского охотника.

Хотя почти все выскобленные столы, освещенные толстыми сальными свечами, были заняты, к Анне никто не подходил, как будто она усадила рядом с собой на скамью с полдюжины невидимок. Здесь ее не любили. И дело было не только в том, что в любой момент она могла привести за собой королевских гончих.

Магией в Терравириис занимались не от хорошей жизни. Кого из сестёр ни спроси — любая поделится душераздирающей историей. «Мудрая кинжал к горлу приставила», — с невеселым смехом можно было сказать о каждой из них.

А эта? Дочка речных лордов решила поиграть с силами, опасности которых она и не представляла. Для нее это как примерить новое колечко — ах, я теперь всемогущая колдунья.

Как бы не так. Потонешь ты, дура, в Лате, как твоя Утонувшая Звезда в Королевской. И деньги пополам с благородством не спасут.

А как она смотрела на них всех! Особенно поначалу. Клара даже удивлялась, сколько презрения умещалось на заостренном мышинном личике девочки-подростка. Она казалось ещё меньше и ещё нелепее, завернутая, как в пелёнки, в дорогие бархат и меха. Сейчас, правда, спеси у нее за пять зим поубавилось, но все равно... Нет-нет, да мелькнет в глазах что-то этакое. Как будто все они — песок на её туфлях. Благородная, чтоб её.

Поэтому сестры её и сторонились. Но Анну это как будто и не волновало. И правда, что ей до грязи на собственных башмаках?

Вот и сейчас. Сидит одна, а до смеха вокруг ей и дела нет: голову опустила, чертит пустым кубком круги по столешнице. Тёмные пряди выбились из-под сетки.

— Стол мне испортишь, — холодно сказала Клара.

Анна, не глядя, вытащила из кошелька золотой и бросила рядом с миской.

Клара ощутила, как с десяток взглядов скрестились на монете. Еще немного, и золото вспыхнет. Ей даже на секунду стало не по себе. Ну как же так можно? Люди удавить готовы за такие деньги, а эта...

— Убери, — брезгливо сказала Клара, хотя на этот золотой можно было купить три стола, а на сдачу еще и половину скамейки. — Не видишь, что ли, смотрят?

Та послушно сгребла монету назад, но толку-то? Взгляды и правда прижигали спину каленым железом. Ограбить, наверное, не постеснялись бы, да боялись, что Охотников приведёт.

— Зачем пришла?

Анна подняла на нее бледное лицо, на котором жили одни глаза.

— У меня беда.

Клара охнула:

— Тебя выследили? Подозревают? Так почему же, ради светлых богов, ты пришла сюда?

Она старалась говорить тихо, вокруг все равно прислушивались.

Анна казалась озадаченной.

— Что? Нет! Я не попалась, — она осеклась и замолчала. Потом взглянула прямо в глаза Клары, и тон ее стал едва ли не умоляющим. — Мне только нужно узнать...

Ее меловые щеки тронул румянец, но она не опустила горящий взгляд.

— Есть ли способ, хоть какой-то... чтобы человек тебя полюбил?

Будто натянутая струна ослабела где-то внутри. «Попробуй для начала не смотреть на людей, как на конское дерьмо», — так и хотелось сказать Кларе, но она сдержалась.

— Ты же знаешь, что нет. Наставница тебе не говорила? — осведомилась она ядовито. Ишь ты, любви захотела. Да, тяжело, наверное, живется, с таким-то характером... Хоть бы кто да полюбил. Немудрено, двадцать зим минуло, иные при дворе в таком возрасте третьего в зыбке качают...

У неё сделалось такое лицо, как будто ее ударили.

— А если он раньше... а теперь нет... Можно ли как-то вернуть?

Лепечет, как дитя. Смотреть жалко.

Клара покачала головой:

— Мудрая, дарующая магию, завоевывала любовь сама. Настоящее чувство невозможно ни призвать наговорами, ни сварить в котле. За Мудрой шли и без этого.

«В отличие от тебя», — добавила Клара мысленно.

— Но...

— Можно заставить столетнего старца сделать ребенка и благополучно оставить тебя вдовой в эту же ночь, ибо сердце его вряд ли выдержит такое насилие, — усмехнулась Клара. — Это все, на что способна магия. Но ты ведь не этого хочешь?

Анна казалась уязвленной.

— Моя наставница говорила иначе...

— Значит, твоя наставница лгала, — отрезала Клара, вставая. — Ну, это все? Мне пора вернуться к обычным гостям. У них хотя бы есть чем заплатить за эль, ведь у вас, сестрички, карманы вечно пусты, — нарочито громко сказала она. А то уж больно тяжелая тишина повисла.

— Не жадничай, Клара, — весело откликнулась Маргаритка, — мы тебе накидаем по паре медяков сегодня. Отобьем, поди, целую кружку эля.

— Зато честно купленную, — поддержала ее еще одна ведьма.

— Я могу... — начала Анна надменно.

— Я знаю, что ты можешь купить «Чашу и Коготь» со всеми потрохами, — фыркнула Клара, — но упаси тебя Мудрая стать хозяйкой этого хорошего места. Идите с миром... миледи Анна.

И она насмешливо поклонилась.

Под десятками скрещенных взглядов Анна встала и с очень прямой спиной направилась к выходу. Так ходят бродячие циркачи по веревке, натянутой на колышки. Только визгливого свиста дудочки не хватает.

Почти у самого выхода она внезапно остановилась и спросила:

— А где Агата?

Смех, только-только зазвучавший, вновь улетучился. «Да когда она уже сядет на своего коня и скроется за воротами», — поморщилась Клара.

— Ну, та, которая у меня вечно серебро клянчила. Замарашка такая.

«И, похоже, единственная, кто с тобой заговаривал», — почти с жалостью подумала Клара. Потому, наверное, и запомнила.

Клара вздохнула.

— Больше не будет выпрашивать.

Глаза Анны расширились. Ишь ты. Может, она и не безнадежна.

— Утопили? Но мы бы видели.

— Знаю я ваши благородные развлечения, — скривилась Клара. — Все не так, в Лате ее не утопили. На Агате лежало проклятье, ей еще лет десять нельзя было касаться чистой воды. Поэтому она добросовестно выхлестала у меня за последние годы почти дюжину бочек доброго эля.

Анна приподняла брови.

— Что же случилось?

— Ты бы еще лет пять здесь не появлялась, — хмыкнула Клара. — Три зимы уж минуло. Забрела к нам молоденькая ведьмочка, откуда-то с окраин, не из наших, работу искала. Я не успела подойти, а Агата уже к ней. Ну, тебе известно, какой невыносимой могла быть эта старушонка.

Анна усмехнулась:

— Это верно. И что?

— Ну, слово за слово, уж не знаю, что Агата ей сказала, но девчонка не выдержала, схватила кадку с водой... Растяпа Кэсси оставила, — все более словоохотливо продолжала Клара, отводя взгляд. — Ну, Агату-то и окатила. Та, конечно же, растаяла в лужу... а девчонка... Батюшки! — Клара начала посмеиваться, тоже не вполне естественно. — За голову схватилась, криком кричит, мол, я старушку невинную жизни лишила... и... В общем, убежала девчонка. Никто ей сказать не успел, что Агата, пока под проклятием, помереть не может. Из лужи как трава сорная, опять вырастет, дай только срок. Мы ее с Кэсси в котелок собрали...

Клара замолчала. И что ее так понесло?

— И что, до сих пор не выросла?

— Так ведь стара Агата. Да и, сдаётся мне, в котелке ей хорошо. Тепло, сытно и кости не болят. Вот и не торопится она.

— А что же с девушкой?

Клара вздохнула.

— Не знаю, вот только... — она осеклась и прямо взглянула на Анну. — Чувствую я, что она где-то близко, да худо ей. Всех сестер об этом прошу, видимо, и тебя следует. Если встретишь ее, помоги.

Анна казалась опешившей.

— Зачем вам это? Это ведь не просто девочка?

— Не просто, — вздохнула Клара. — В долгу я перед... Впрочем, неважно. Ну что, поможешь, если Мудрая сведет?

Анна заколебалась.

— А как я ее узнаю?

Клара наморщила лоб.

— У нее на пальце кольцо травницы, с зеленым камнем, знаешь? В городе таких редко встретишь, они в основном по лесам селятся, молодые тем более.

— Так ведь Матери служить можно?

Клара скривила губы:

— Больно умная? Ты это охотникам расскажи. Те ещё два десятка лет назад всех без разбору хватили. Но речь не об охотниках, речь о девочке. Светленькая такая, с кольцом... Поняла? Запомнила?

Анна на прощание кивнула и, уже не оборачиваясь, направилась к своему коню, нетерпеливо перебиравшему ногами.

Нашла кого о помощи просить, с досадой подумала Клара. Эта пустышка наверняка ни о ком, кроме себя, подумать не в состоянии. Да и она, Клара, тоже хороша. Всей правды так и не сказала... Может быть, оно и к лучшему.

Что-то странное было в Анне Эстер. Ни одна из сестёр не признавала, не чувствовала в ней свою.

В самом сердце королевства, где было запрещено любое колдовство, лишь одна избежала смерти. Старую королеву Вильгельмину, бабу нынешнего короля, не утопили, как других, а заточили в башне. И если слухи о ней были правдивы... и если именно она учила Анну Эстер... Зло следовало держать поближе, за пазухой, чтобы не натворило чего.

Хотя будь её воля, Клара бы сама утопила обеих в Лате.

Миру от этого было бы только лучше.

Вопреки обыкновению, Анна ворвалась в башню Вильгельмины без стука. Кровь бешено била в висках, как боевые барабаны, грудь тяжело вздымалась.

Старая королева стояла вполоборота у полок со склянками, в обычное время скрытых от взглядов слуг тонкой магией. Вздохнув, Вильгельмина спросила:

— Какой шигген за тобой гнался?

Анна молча смотрела на нее во все глаза.

— Вы меня обманули, — наконец выдавила она, тяжело дыша. Роза... Ее роза этим утром стала почти белой, точно первый утренний снег, только внизу лепестки еще ало рдели, как будто цветок слегка обмакнули в кровь.

Вильгельмина обещала, что этого никогда не будет, но вот Ричард почти позабыл ее. Как легко... И больно, пусто внутри.

Словно не видя, куда шагает, она прошла на свое привычное место подле Вильгельмины. Отодвинула тяжелый стул с жесткой резной спинкой. Села. С ожесточением рванула из волос крепко засевший гребень, закусил губу, да так и осталась сидеть с разворошенным вороньим гнездом на голове. Злые слезы обожгли щеки.

Она оставила Утонувшую звезду, не вернулась домой, даже когда не стало королевы Элеоноры — и ради чего? Ради призрачной надежды стать королевой? Ради лживых обещаний старой ведьмы?

Бесконечная вереница Ричардовых любовниц, насмехающихся над нею, проплывала перед глазами. И среди десятков хорошеньких одинаковых лиц внезапно возникло другое. Осуждающее лицо отца.

— Ты позабыла о своём долге — защищать людей.

Писать письма Джеймсу Лонгриверсу, сенешалю Утонувшей звезды, раз в две декады — не защита. Пора бы это признать.

Вильгельмина бесстрастно наблюдала за ней. Затем взяла с полки зеленоватый флакон и протянула Анне.

— Пей.

Она вскинулась, точно ужаленная:

— Отравить хотите?

Вильгельмина беззлобно усмехнулась.

— Пожалуй, только ты и способна отравиться обыкновеннейшей мятой. А теперь пей и будь добра... объясниться.

Когда зелье ледяным когтем впилося ей в горло, Анна только тихо охнула. Морозный холод спустился в желудок, поднялся вверх, в голову, обвил лоб зимним венцом — и растаял, оставив в голове только кристальную ясность.

Стало и правда легче. Анна моргнула и произнесла уже значительно спокойнее:

— Когда я пришла к вам, вы пообещали, что Ричард будет моим. Вы обманули меня. Сегодня я узнала точно... никакого зелья, что вы мне обещали, не существует.

Если бы она стала королевой, она смогла бы защитить Утонувшую звезду куда лучше... Теперь же всё потеряно.

Ричард для неё потерян. С этой мыслью не помогло справиться никакое зелье — она уронила голову на ладони и зарыдала.

— Только мяту зря извела, — с досадой бросила Вильгельмина. — Что, ходила в «Чашу и Коготь»? И у всех подряд спрашивала, нет ли у кого-нибудь зелья чистой и настоящей любви?

Анна всхлипнула.

— Ходила, — хмыкнула Вильгельмина. — А тебе сказали, что проще напоить бедолагу крепким вином, потому что Мудрая-де не одобряла баловства с магией и любовью?

Анна отняла руки от лица и, замерев, посмотрела на наставницу.

— А кто тебе сказал, дура, что специально для тебя нужно любовные зелья изобретать? Что, других способов мало? — рывкнула королева, заставив Анну отшатнуться.

— Я... Я...

— Не блей, как новорожденный ягненок, — с отвращением сказала Вильгельмина. — Пять зим я учила тебя уму-разуму, собственных сил не жалела, тебе отдавала! Я обучила тебя магии, дала тебе все! Неблагодарная!

Немного успокоившись, старуха присела напротив и шепнула:
— Однажды сама Мудрая полюбила смертного...

Однажды сама Мудрая полюбила смертного. Красив он был: высокий, статный, смоляные кудри волнами, глаза как небо синие. Вот только был он горьким пьяницей, и веселье в кабаках с друзьями было ему дорожке всех девиц на свете. Даже светлой богини, спустившейся ради него на землю.

Провела она подле него год, другой, да все тщетно.

Горько было Мудрой смотреть, как топит в вине свою красоту ее возлюбленный. Навела она на него чары сонные, посадила в винную бочку да пустила плыть по морю-океану. Сама обернулась лебедью белой и поплыла следом.

Долго ли, коротко ли, вынесло бочку на остров пустынный, разбило о камни морские.

Очнулся юноша на берегу без памяти.

Смотрит — плывет к нему лебедь белая и говорит человеческим голосом, называет принцем потерянным, сыном короля заморского. Шепчет птица нежно, вкрадчиво, шея тонкая змеею вьется:

— Мой принц, пока вы были в море, вы спасли мою жизнь. И теперь я выполню любые ваши желания.

Думала Мудрая, что вдалеке от соблазнов мирских вспомнит ее любимый о ней... Но горько ошиблась она.

Сперва потребовал юноша выстроить замок на острове и всех его подданных к нему перенести.

Улыбнулась Мудрая — и не успела первая ночь смениться рассветом, как на острове, на высокой горе появился замок, а под замком — веселый многолюдный город. Из морских ли глубин он появился, или из небесного града, то неведомо. Беспредельны силы богини-колдуньи.

Обрадовался юноша и на коленях благодарил лебедь — но радости его хватило ненадолго. Подумал он — подданных своих защищать надо. И снова взмолился лебеди:

— Дай мне воинов могучих, непобедимых, чтобы спокойным было королевство мое.

Вдохнула Мудрая — и пошла с поклоном к Воину, брату своему.

И вышли из пучин морских три тысячи воинов в кованых серебром латах. И поклонилась серебряная стража Воина юноше. А он в ответ поклонился лебеди.

Долго ли, коротко ли, не успела весна смениться летом, как в третий раз пришел юноша к Мудрой.

— Несметных богатств желаю, — сказал он надменно. — Чтобы листья в садах были изумрудными, а плоды из чистого золота.

Нахмурилась Мудрая, но ничего не сказала.

Отправилась она к Матери своей и украла у нее Чашу изобилия. Набрала в нее воды из океана да пролила над садами. Расцвели сады, как королевская сокровищница, и золотые плоды тихо звенели на ветру.

Может быть, думала Мудрая, он полюбит меня теперь? Но тщетно. Едва взглянул юноша на сады волшебные, едва кивнул лебеди.

— А теперь, — сказал он, — я хочу жениться. Есть где-то далеко, говорят, принцесса, прекраснее которой нет на свете...

Рассердилась Мудрая, но виду не подавала. Спросила у юноши:

— И какова же твоя желанная?

— Говорят, что на челе у нее сияет солнечная корона, а волосы она закалывает лунным полумесяцем. Голос ее нежнее струн арфы, а шаги легче воздуха.

— И ты любишь ее? — спросила Мудрая.

— Люблю.

— Да видел ли ты когда-нибудь свою принцессу?

— А разве недостаточно того, что она прекраснее всех на свете?

Рассмеялась Мудрая и сказала:

— Знай же, тебе очень повезло. Принцесса эта — пред тобою.

И сбросила она облик лебедя, и приняла вид этой девицы — кем бы она ни была и существовала ли.

Глупец, конечно же, ничего не понял. Взял он Мудрую под руку и повел в город, который она ему даровала.

Когда богиня вдоволь с ним натешилась, то сказала:

— Милый мой, неплохо бы нам и о свадьбе подумать.

Не раздумывая, юноша согласился.

И вот, когда тетива свадебного лука была перерезана, а посаженные мать и братья вручили руки невесты жениху, настал час последнего испытания.

— Силой добудь себе жену, — провозгласил жрец.

Села Мудрая на коня, а юноша помчался вдогонку. Летели они быстро, как ветер, но Мудрая и не думала сдерживать своего скакуна. Вот и город остался позади, и сады с изумрудными листьями и золотыми плодами. И только скрылись они из виду, как пропали без следа.

Остался лишь юноша в богатом свадебном наряде на пустынном белом берегу, а рядом с ним — разбитая винная бочка. Только где-то над ним, высоко-высоко, летал лебедь, вытягивая длинную, гибкую шею, и шипел почти по-змеиному.

— Ты говоришь, что он любит эту принцессу, — усмехнулась Вильгельмина. — Но как можно любить то, чего не ведаешь? Хорошенько подумай, Анна. Может быть, эта старая сказка тебе когда-нибудь пригодится.

Глава 2

Небо было удивительно глубоким и ясным. Такое голубое и такое высокое...

— Поднимайся! В реальном бою тебя никто жалеть не станет.

Да-да, конечно... Сама же напросилась.

Носком сапога Уилфред подтолкнул меч в её сторону. Впрочем, назвать мечом эту железку язык не поворачивался, скорее уж кусок дешевой стали, заточенный с одного конца. Но в их положении и такое оружие — большая удача. Если удавалось захватить что-то подороже, это сразу продавали. Деньги были нужнее.

В поясице тянуло, голова шла кругом, но Эл поднялась. Взяла в руки меч. Её слегка мутило.

Уилфред стоял напротив и, как всегда, презрительно шурился.

— Ну и что это ты изображаешь? Беременную цаплю? Выпрямись! Встань боком! Ноги! Перенеси вес!

Эл послушно выполнила все указания. Все равно он снова победит, так какая разница...

Уил занес оружие для удара, но тут же опустил:

— Элайв, что такое?!

— Что?

— Ты себя видела? Да у тебя глаза говорят: «Убейте уже меня поскорее». Так нельзя. Соберись!

Ну вот, еще и взгляд не тот...

Перехватив меч поудобней, Эл ждала удара. И он, конечно, тут же последовал. Она отражала выпады как могла.

— Почему ты отступаешь? Не защищайся, наступай, Темный тебя раздери! Кому я показывал?

Элайв попыталась напасть, но Уилфред не собирался поддаваться. Его меч был сразу везде: как только она замечала открытое место и целилась, так сразу же открывалась сама. Уилфреда это бесило:

— Думай быстрее! Думай на шаг вперед!

Эл попыталась пойти в атаку, но — секунда — и кончик меча смотрит ей прямо в лицо.

— Убита, — выдохнула она.

— Уже который раз, — мрачно подтвердил Уилфред, опуская оружие. — Все на сегодня. Никакого терпения с тобой не хватает...

Забавно, что Мара говорила то же самое. А ведь в зельях Эл гораздо талантливее, чем в фехтовании.

Выдохнув, она побрела на дрожащих от усталости ногах к дому. Нет, воин из неё никудышный. Не хватает ловкости, быстроты, силы, в конце концов...

— Зачем ты меня тренируешь? — обернулась она к Уилфреду. — Ведь я уже давно не хожу с тобой на дело.

Никого рядом не было. Куда он делся?

— Уилфред?..

Лес был тих, будто Владыка создал его секунду назад.

Вдруг что-то налетело на неё со спины и повалило на землю:

— Не можешь драться железом, так борись! Ну! — прохрипел в ухо знакомый голос.

Ах так... Так?! Ну получай!

Эл наугад ударила назад, примерно туда, где должно было находиться его лицо. Раздался тихий вздох. Хватка чуть ослабла. Она попыталась перекатиться на спину, но Уилфред все ещё держал крепко. Эл билась, рычала, но ничего не выходило.

Нашупав рукой голую кожу, она вцепилась в нее пальцами и выбросила всю свою злость пополам с пламенем. Он выругался, но не отпустил. По её пальцам тек живой огонь, она могла изжарить его до смерти и знала это, но теперь было уже все равно. Получай, получай!

Взвыв, он оторвал от себя её руку, будто прикипевшую к коже, и отполз в сторону.

— Ты что творишь?!

Там, где секунду назад были её пальцы, вздувались пузыри.

— Ты сказал сражаться? Я сражалась.

— Ты соображаешь? Я же для тебя стараюсь! Рано или поздно тебе придется драться, и я не хочу, чтобы тебя убили.

Из его уст это прозвучало почти признанием в любви. Эл оценила такую откровенность, но в ней все ещё клокотала злость, и усмирить её было непросто.

— Меня не убьют. Это не так легко, как ты думаешь.

— Неужели? А у меня почти получилось.

— Ты застал меня врасплох! Накинулся со спины!

Уил набрал в грудь воздуха и заорал так, что птицы с шумом взлетели с веток:

— А ты думала, тебя предупредят?! Пришлют письмо с гонцом?! Эл, перестань быть такой дурой!

Вот это он зря. Ой как зря...

— Не смей так со мной разговаривать, — тихо ответила Элайв. Она хотела сказать это спокойно, но слова прозвучали змеиным шипением.

— А то что?

Огонь бушевал внутри, сметая все на своем пути. Эл могла бы превратить наглеца в угли, но сдержалась. Может, зря? Да нет, потом ведь придет чувство вины, начнет грызть... Но лечить Уилфреда она не будет. Сам справится, раз такой умный.

— Что? Что ты мне сделаешь? — не унимался он.

— Брошу тебя, — глухо ответила она, все ещё борясь с желанием сжечь ему что-нибудь.

— Вот как? И думаешь, я тебе позволю?

— Я не собираюсь спрашивать.

Резко развернувшись, едва различая дорогу, она пошла прочь, в лес. Уилфред ничего не сказал, не попытался остановить. Ну конечно, зачем. Было ли ему вообще хоть какое-то дело до неё? Нет, совсем нет!

Они жили вместе уже три года. Снова и снова Эл возвращалась мыслями к тому дню, когда встретила Уилфреда. И как только её угораздило довериться такому человеку?..

Тем летом Элайв скиталась по Рейнхиллу, ночуя в самых дешевых трактирах, и искала себе место. Все таверны и харчевни были полны работников, а в ремесленники никого просто так не брали. Даже хозяйка «Чаш и Когтя» ничем не смогла помочь. Особенно после того, что там случилось.

Было одно место, где Эл обрадовались, но когда она поняла, чем занимается эта женщина... Её холодные костлявые руки, как она ощупывала Эл, оценивала, будто лошадь... Бр-р! Нет, ни за какие деньги. Впрочем, накопления скоро кончатся, и тогда действительно не станет никаких денег.

Она бесцельно бродила по улицам, заглядывая то в один, то в другой переулок и гадая, где будет безопаснее устроиться на ночлег. В кошеле осталось всего несколько медных монет, нужно экономить... Но и к Маре уже не вернуться. Это будет поражением. Это будет значить, что Эл не справилась, что она все ещё маленькая девчонка, ничего не умеющая и ни к чему не способная. А между тем ей уже исполнилось пятнадцать! И она докажет, что может сама всего добиться!

В одном из темных проулков ей встретился человек. Он не спешил, как другие, шел медленно, опустив глаза. Незнакомец двигался лениво и вальяжно, хотя по одежде нельзя было сказать, что в его карманах водилось много золота или серебра. Среднего роста, на голову словно соломы набросали, а глаза цепкие, хоть и смотрит скучающе, переводит взгляд с каменных стен на дорогу, бродячих кошек и обратно, ни на чем не задерживаясь. Что-то в нем привлекло её внимание. Не задумываясь о последствиях, Эл спросила:

— С вами все в порядке?

Он с трудом сосредоточился и улыбнулся, точно пьяный:

— А что, не похоже?

Половина его тела была скрыта плащом, и Эл готова была поклясться, что там что-то неладно. То, как он прижимал руку к боку, как волочил ноги...

— Вам нужна помощь?

Он привалился плечом к стене, почти перегородив узкую улочку.

— А вы можете помочь?..

Что за дурацкая манера отвечать вопросом на вопрос! Рассердившись, Эл дёрнула полу плаща, отводя её в сторону.

Чутье не подвело: локтем он прижимал к боку окровавленную тряпку. Одному Владыке известно, сколько он так уже бродит по городу! Его походка не была ленивой, поняла она, это была слабость раненого. Он начал медленно сползать по стене, сам не замечая этого.

— Осторожней! — Эл поймала его, но, конечно, не смогла удержать. Её сил едва хватило, чтобы мягко опустить его на каменную кладку.

Глаза его были открыты, но свет стремительно уходил из них.

— Сейчас, сейчас...

Она могла помочь. В этот час улицы были пустынные, и он мог так и умереть в одиночестве, но ему повезло. Теперь Эл не оставит его.

— Там есть что-то? — спросила она, опасаясь навредить. — Обломок стрелы? Или копья?

Он слабо покачал головой. Хорошо.

Тряпка полетела в сторону, с противным хлопанием оторвавшись от раны. Кто-то вспомнил несчастному бок, оставалось надеяться, что внутри все цело.

Прижав ладони по обеим сторонам от раны, она попыталась соединить её края. Руки мгновенно испачкались. Ерунда. Лишь бы выжил.

К тому моменту Эл не пользовалась своим даром много лет. Испытывая отвращение к любому огню, она похоронила свой собственный давно и надежно, но теперь только он и мог помочь. Не надеясь на успех, Эл позвала свою магию. Та отозвалась в тот же миг.

Огонёк от сердца к рукам. По венам — живительное тепло. Ладони становятся горячее. Хорошо. А теперь все тепло ему. Все силы. Этого хватит, чтобы остановить кровь, чтобы кожа срослась. Он едва слышно застонал. Да, больно. Но зато будешь жить.

Эл не думала о том, что их кто-то мог увидеть. Она не думала, что этот человек мог оказаться охотником. Ей было важно повлиять хоть на что-то, спасти хоть чью-то жизнь, если уж её собственная летела в пропасть...

Рана затягивалась быстро: сил было много, а огонь никогда не подводил. Сосредоточившись, она и не заметила, что незнакомец с интересом наблюдал за процессом.

Когда Эл закончила, то наткнулась на серьезный взгляд серых глаз:

— А ты, стало быть, ведьма?

Она в страхе отдернула руки, и они были красны от чужой крови.

— Не бойся, я вор. Будем держаться вместе.

Эл так и не нашла работу и осталась с Уилфредом. Она была полезна: лечила его раны, могла прикрыть спину, а иногда и напугать врагов. Когда-то она мечтала, что Уилфред станет её мужем. Она думала, что это навсегда. А теперь от бывшего пламени остался только... пепел.

Пепел пахнет горечью. Мокрый пепел — отвратительная чёрная вязкая каша, от которой несёт гарью.

Что за проклятье на ней такое?! Почему все, что ей дорого, сгорает в серую пыль? Мама думала, что защищает дочь, когда назвала её Элайв, а получилась злая насмешка. Зачем жить, когда близкие умирают?..

Эл остановилась, привалившись к дереву. Столько лет прошло, и снова, будто это было вчера... Стоило прикрыть глаза, и воспоминания забрали её в свой мягкий плен.

Тогда ей уже минуло десять декад. Тем вечером отец оставил Эл с тёткой и поспешил домой. Будто чувствовал что-то. Не нужно было его отпускать, тогда остался бы хоть кто-то, но нет. Только холмик мокрого пепла. И больше ничего.

Когда ни он, ни мать, не вернулись, тётка отправила своего старшего сына узнать, не случилось ли чего. Он пришел молчаливый и серый, как льняное полотно. Эл выставили на улицу, чтобы она не слышала. Но ей и так стало ясно: произошло что-то непоправимое.

Не дожидаясь новостей, она побежала домой, и... Дальше она ничего не помнила. Только запах гари, пропитавший одежду и волосы. Он долго преследовал её наяву и во сне. Проклиная себя за то, что осталась жива, она постоянно задавалась вопросом: как мог случиться такой страшный пожар? Почему?

А вдруг виновата она, Эл? Её там не было, но её дар — внутренний огонь... Проклятый огонь! Эл надолго забыла про свои способности, и Мара говорила, что они ни к чему не годятся, и как всегда была права.

С неба тихо падал пушистый снег. Эл так и стояла, обняв тонкий ствол и утонув в воспоминаниях. Мороза она не чувствовала, только слезы холодили щеки.

Люмина, её названная мать, была немногим лучше тетки, но, в отличие от нее, могла содержать несчастную сироту. Она работала управляющей в родовом замке графов д'Эвре, к северу от столицы. Единственная наследница графов стала королевой в Ферлиберт, но замок не продала, оставила за собой. Она почти не появлялась там, и поместье постепенно ветшало, люди оттуда разбегались.

Но маленькой девочке старая груда камней показалась настоящим дворцом, и она была рада оказаться в таком необычном месте. А потом началась учеба. Нет, не секреты владения её внутренним огнем, только зелья и травы, бесконечные зелья и травы...

Может, тогда Эл и полюбила лес? Как любила его мама. Она всегда говорила: «Спроси у леса, он все знает. Нужно только услышать». Сама ведь и правда слышала: говорила с деревьями, а они отвечали ей.

Когда Эл вспоминала об этом, у нее щемило сердце. Мама была так талантлива и так глупо погибла! Взять хоть зелье убеждения. Его Ариадна придумала незадолго до смерти, но очень боялась, что оно попадет в чужие руки. Поэтому, записав рецепт, она не указала главного ингредиента. Она заставила дочь вызубрить полный состав, и только Эл знала этот секрет. О чем тогда думала мама, чего боялась?.. Эл рассказала все Маре, и вместе они смогли восстановить правильную рецептуру.

Зелье не имело вкуса и запаха, но давало почти безграничную власть над человеком. Выпив нужное количество, несчастный верил во все, что ему говорили в течение нескольких минут, после чего не сомневался в этом до конца жизни. Никакого противоядия, никаких дополнительных усилий: просто и чисто.

Только если человека заставляли сделать что-то уж совсем неприятное, в конце концов он начинал сомневаться в принятом решении и досадовать на самого себя, но тогда достаточно дать ему зелье ещё раз. Разве не гениально?

Эл такое мастерство было недоступно. Она могла сварить несколько сложных зелий, но сама ничего нового не изобретала. А еще этот дурацкий огонь, который постоянно только сбивал с толку. Даже Мара не знала, что с ним делать. Он лечил, как дар Доброго, но и убивал, как дар Воина, согревал землю и тянул к себе травы, как дар Матери... Но ведь так не бывает! Человек может получить дар от одного из богов, а Эл даже не знала, в какой храм идти с таким набором.

Мара говорила, что нужно забыть об этой ерунде и сосредоточиться на зельях, которые Эл ненавидела от всей души. Она ощущала себя абсолютно бездарной.

Эл глубоко вдохнула прохладный и влажный воздух. Неподалеку тихо журчал ручей, к которому звери ходили на водопой. Дойти до него? Опустить руки в ледяную воду, напиться... Вода успокаивает, она нежна. Ведьмы ненавидят реки, а Эл терпеть не может огня. И как назло именно он дарован ей богами! Ну что за наказание!

Она всегда была неправильной, отличилась и здесь. И как прикажете искать свое место? Куда податься, если никто тебе не друг и не брат? Если тебя не пугает то же, что и остальных, и, что ещё хуже, — не радуется, что должно радовать?

Завела бы семью, занималась домом. Но ведь Уилфред так и не позвал ее замуж. Даже для него она оказалась недостаточно хороша.

Мама всегда говорила, что самое главное — приносить пользу людям. Неважно, какой у тебя дар и есть ли он вообще, важно, кто тебя вспомнит после того, как ты уйдешь. Ариадна была хорошей травницей и помогала всем, кто к ней обратится. Говорили, что даже королева Маргарита Фернеол девушкой заживала к ней за снадобьями. А кто вспомнит про Эл? Принесла ли она пользу хоть кому-то?..

Эл почему-то чувствовала, что впереди её ждёт большое чудо, яркое и светлое. Такое, о чем и подумать не смела, от чего дух захватывает. Только как к этому прийти?..

Холодный ветерок шершаво облизнул лицо. Здесь хорошо, здесь — она сама по себе. Лес принимает её, как принимает каждого зверя и птицу такими, какими они рождены. А какой рождена она, Элайв? Горящим факелом. Разящим мечом и согревающим пламенем. Так почему она сидит здесь, вместо того, чтобы использовать свой дар на благо людям? На благо тем, вместе с кем молится светлой богине?

Мара всегда говорила, что Мудрая могла бы стать для Эл второй матерью. Что нужно усердно молиться, и тогда богиня услышит и устроит ее жизнь, как сама Эл и не мечтала.

Решено! Она должна найти служительниц Мудрой и попросить богиню, принять свою верную дочь. Пусть на севере ее и не любят, но Эл все равно, она добьется своего.

Упав на колени, она прижала большой палец правой руки к ладони на левой, как учила люмина, и, опустив голову, прошептала:

— Мудрая, будь милосердна! Проложи мне путь к служению тебе! Я знаю, ты любишь тех, кто ищет знаний и мудрости. Так помоги мне!

Элайв затихла, прислушиваясь и почти веря в то, что услышит ответ. Ветер пробежал по лесу, играя на струнах ветвей что-то таинственное, но благосклонное.

Эл вернулась домой поздно. Ещё с порога она заметила, что Уил сам замотал обожженную руку тканью, а в комнате пахло мазью, заготовленной для таких случаев еще осенью. Ну и славно, можно об этом больше не беспокоиться.

Они ссорились уже не впервые, и сегодня снова, как и всегда, просто сделали вид, что ничего не было. Вот только легче от этого не стало. Сон был прерывистым и беспокойным, и Эл только сильнее устала, вместо того, чтобы отдохнуть.

Огонь в очаге горел ярко и жарко, но все же Эл дрожала от холода, свернувшись калачиком под тонким одеялом. Зимы в Терравирис не жалели ни зверя, ни человека: лес заматало чуть ли не до крон, а морозы стояли такие, что и в двух шубах не согреешься. Тяжко прихо-

дилось тем, у кого не было дома с толстыми стенами и достаточно дров. Полуземлянка Эл и Уилфреда прогревалась, но ненадолго. А ночи были такими холодными, что зубы стучали.

Устав ворочаться с боку на бок, она резко села, нечаянно разбудив Уилфреда, дремавшего рядом.

— Что такое? — тут же вскочил он.

— Нет-нет, спи. Все тихо.

Она положила руку ему на плечо, и он перевернулся на другой бок.

И зачем она продолжала заботиться о нём? Она благодарна ему, но все же Уилфред совсем не тот, кто ей нужен. Да и нужен ли вообще кто-то?..

Словно почувствовав, что о нем думают, Уил тихо спросил:

— Ты почему не спишь?

Элайв обернулась, напоровшись на его острый взгляд:

— Так, задумалась. Да и не очень-то спится на голодный желудок.

— Ох, простите, ваше величество, что оставил вас сегодня без ужина.

Эл снова отвернулась, закатив глаза. Когда Уил узнал, что она жила в замке, пусть и чужом, пусть и работая каждый день, как и остальные слуги, он стал над ней подшучивать. И зачем все это терпеть? Пора, пора что-то менять...

Уилфред не дал Элайв снова уйти в свои мысли:

— Как рассветет, пойдешь со мной в деревню? — уже более миролюбиво спросил он.

— Зачем?

— Добудем немного еды.

— То есть украдем?

— За кого ты меня держишь? Честно купим. Если будем красть у местных, они нас быстро сдадут, а я хотел бы еще пожить.

— Разве у нас остались деньги?

— Я кое-что припрятал на черный день. Купим хлеба, яиц, может, сыра.

При мысли о еде в животе заныло. Как наяву представилась плошка горячей тыквенной каши, заправленной молоком и медом... Пока она жила у люмины, Эл могла есть вдоволь, а теперь о такой роскоши и мечтать не приходилось, даже черствый хлеб сейчас был за праздник.

Наверху холодный ветер вновь затянул свою унылую песню, а где-то в углу заскреблась мышь. И зачем она тогда сбежала? Жила бы в замке, как прежде... Нет, ее бы уже выдали за какого-нибудь рыцаря, и не было бы больше ни приключений, ни даже ненавистных зелий, так что правильно сбежала. Надо бежать и теперь! Эл не знала, как это устроить, но она должна была...

— Иди сюда, — Уилфред притянул её обратно к себе, под одеяло. — Вдвоем теплее.

Тяжело вздохнув, она сжалась в его объятиях. Подумать только, когда-то это казалось ей уютным, она чувствовала себя дома, в безопасности, а теперь... Теперь каждую секстину она пьёт зелье, чтобы случайно не стать матерью. Догадывается ли об этом Уил? Или ему все равно?..

Уже засыпая, она поклялась, именем самой Мудрой поклялась, что это последние дни, которые они проводят вместе.

Уилфред выполнил обещание: утром дома появилась еда. Оставалось только надеяться, что он действительно её купил, хотя откуда у него деньги? И сколько, интересно, пришлось заплатить за эти яйца, хлеб и сметану? Под конец зимы все стараются приберечь запасы до следующего урожая, и никто не станет продавать последнее — нужно свою семью прокормить.

После завтрака Уил куда-то пропал, ничего толком не сказав. Элайв и не настаивала на объяснениях, сейчас ей очень нужно было остаться одной, чтобы все обдумать. Но она не рас-

считывала только на свой ум, потому что знала: лучшие мысли приходят во время разговора с Богиней.

На небольшом сундучке у очага разместился домашний алтарь. Скромный, совсем не такой, как в святилищах Ферлиберт, о которых рассказывала люмина, но и за эту малость её бы осудили на смерть, если бы нашли.

Эл зажгла свечу, и тёплый свет озарил то небольшое, что удалось собрать во славу Мудрой: сушеная змеиная кожа, букетик змеиного глаза, лист из старой книги с нарисованными песочными часами и словами молитвы.

Встав на колени, она прочла их вслух:

— Пусть кровь моя холодна, пусть крыльев я лишена, но глаза мои зоркие ищут правду, и ум мой острый узнает её.

Вот теперь ответы придут, обязательно. Теперь можно думать.

Как только потеплеет и дороги просохнут, нужно идти в столицу, это понятно. Первым делом — наведаться в «Чашу и Коготь». Клара подскажет, где найти себе применение, она знает всё и про всех в Терравирис, а то и в Ферлиберт. Мара всегда говорила, что Клара не обманет, но никогда не объясняла, какие отношения их связывают. Она вообще мало рассказывала, её люмина. Учила Эл всем тонкостям ремесла, но на вопросы о себе отвечала неохотно.

Нужно будет навестить её. Вот Мара обрадуется, что из Эл все-таки вышел толк! Может, наконец, и расскажет что-нибудь интересное про маму. Эл не покидало чувство, что люмина от чего-то защищает её, но теперь детство закончилось, и она хотела знать всё.

В лесу раздался непривычный звук: громкий человеческий голос. Что случилось? Эл вскочила на ноги. Тут никто не охотится, лес слишком густой, да и до замков благородных господ далеко. Кто-то заблудился? Или пришел из деревни? Что им нужно?

Эл совсем не хотелось выходить, но чутье подсказывало, что так будет безопасней, чем сидеть внутри землянки. Случись что, из нее никуда не денешься.

Послышался грубый голос:

— Да здесь они живут! Здесь! Я точно знаю.

Как не вовремя ушел Уилфред! Или вовремя? Он что-то знал? Нет, он бы забрал её с собой, не мог же он...

Спина взмокла от страха, но Элайв постаралась взять себя в руки. Еще не случилось ничего плохого. И она ничем не провинилась. Уж за последнюю декаду — так точно. Но если они зайдут...

Эл решила мгновенно, хоть это и было горько. Самодельный алтарь полетел в очаг. «Прости меня, Мудрая! Если выживу, сделаю новый, ещё лучше», — подумала она, кусая губы.

Проверив кинжал на поясе, Элайв выбралась на поверхность. К дому шел крупный мужчина в овчинном тулупе и заломленной набок шапке. Она смутно его помнила: кажется, он был старостой в деревне.

— Вот она! Я же говорил! А мужик твой где?

За старостой шли несколько солдат. Зачем они здесь?

— Чего молчишь? Где он?

— Не знаю.

— Ой, не ври мне, девка! Ой, не ври, — зло усмехнулся староста. — Вместе они живут, — добавил он, обращаясь к солдатам. — Вместе и воруют небось.

Она закрыла собой дверь:

— Там никого нет.

— Ишь ты, храбрая! — усмешка слетела с его лица, будто тряпкой стерли. — А ну отойди. Сам проверю.

— Да что вам нужно?

— Обокрали нас утром, а то не знаешь? Кроме твоего сердечного больше и некому.

Эл очень постаралась выглядеть спокойной, но если бы Уилфред был рядом, она бы сама его с удовольствием придушила. Говорил ведь, что купил еду! Только сейчас не до эмоций, надо спастись: когда они не найдут вора, то возьмут его подружку. А в тюрьму совсем не хотелось. Там ведьм много, но ни одна не успеет научить её тонкостям служения Мудрой — в темнице их долго не держат.

Староста устал болтать и просто отпихнул Эл от двери. Солдаты пошли вниз по земляным ступеням. Другой возможности не будет. Бежать, бежать быстро и не оглядываясь!

Она не успела уйти далеко. Позади послышался шум, мимо просвистела стрела. Ну, Мудрая, подсоби, одной не справиться.

Эл бежала изо всех сил. Воздух в легких заканчивался, дороги она не различала, ветки хлестали по лицу, но она бежала, подгоняемая страхом. Если схватят, то будут судить за все преступления Уилфреда, а там список большой...

Погоня не отставала. Кто-то кричал вслед:

— Остановись! Кругом наши люди!

Их было слишком мало, чтобы окружить Эл, но достаточно, чтобы поймать. А этого нельзя допустить, нельзя!

Лес стал гуще, поваленные деревья мешали бежать. Она перепрыгивала через них, но понимала, что надолго её не хватит. Что делать? Что...

Эл споткнулась и полетела на землю. Мелкие кусты, палки, влажная земля... Нет, встать! Встать и бежать дальше!

Едва она поднялась на ноги, кто-то схватил её за платье:

— Все, попалась!

Вытащив кинжал из ножен, Эл обернулась и резким движением направила его в живот солдату, но лезвие лишь соскользнуло по ребру нагрудника. Проклятье! Она попыталась ударить его в единственное открытое место — в лицо, но не успела. Он перехватил руку и выбил оружие.

— Все, теперь все, — довольно пропыхтел солдат. — Набегались. Пойдешь со мной.

Веревка больно натирала запястья, но если это будет худшим, что случится за день, то можно и потерпеть. Эл привели в деревню, и теперь решалась её судьба.

— Эта сволочь у меня уже больше года ворует! Вы сами видели в доме: все мое. Кроме того, что они сожрали, — добавил староста.

Капитан отряда, пожилой, с пышными рыжими усами и бородой, смотрел хмуро, и взгляд его не сулил ничего хорошего.

— Она, что ли, ворует? — сурово спросил он.

— Она. И дружок ейный.

— Я не знала, что это ворованное! — возмутилась Эл, и это было чистой правдой.

— Как же! Ты все время с ним жила и не догадалась?

Капитан расправил усы:

— Мы можем оставить девушку тут. Этот ваш вор вернется за ней, и мы его схватим.

— Ваша милость, ну что это вы такое придумали! — староста аж шапку с головы сорвал. — Она либо сбежит, либо его предупредит! Да и не придет он, я эту породу знаю.

Элайв поджала губы и отвернулась. Как ни обидно, но она была согласна: Уил за ней не вернется. А если и попытается, то почует засаду и сбежит. Вот ведь, хотела от него избавиться — так получай.

Окинув всех тяжелым взглядом, капитан, крикнув, поднялся с лавки:

— Вот что, ребята, везите-ка вы её в тюрьму. Дело ясное.

— Правильно, — обрадовался староста, — там ей самое место!

— Но ведь я ничего не крала! — воскликнула Эл больше от обиды и уже ни на что не надеясь.

Капитан посмотрел на её травническое кольцо:

— Там разберутся.

По закону травницы могли жить свободно. Они не несли угрозы, их не топили, ведь их магия подарена Матерью, а не Мудрой. Элайв получила кольцо в наследство от мамы, а Мара потом научила его носить всегда, так безопасней. Охотники сами выдавали такие кольца тем, кто не нёс в себе даров Мудрой, но если уж попала в переплет, выбраться тяжело. Снимут кольцо — и кто вспомнит, что за богиня дала тебе силу. А речная вода всех примет, ей все равно. По коже пробежал холодок, Элайв уже чувствовала у своих ног шуршащую рябь.

Ну почему, почему все пошло не так? Мудрая, неужели ты оставила свою верную дочь?..

Груженная людьми телега направлялась в столицу. Кроме Эл в ней сидели еще несколько бедолаг, пойманных в округе за какие-то преступления. Она почти надеялась увидеть среди них Уилфреда, но нет. Светлые боги, неужели это и правда не совпадение? Неужели он действительно бросил её, зная, что придет облава? Это было слишком даже для него.

На кочках потряхивало, приходилось вжиматься в сено, чтобы не выкинуло. Еще утром она собиралась сбежать, но представляла это совсем не так. Нет, конечно, все складывалось очень мило: путешествие в столицу, еще не на своих двоих, но только не привезут ли её к берегу реки? Может, даже не Латы, а какой-нибудь поменьше да потише. И позвать на помощь некого.

Им ведь уже все понятно: Эл воровка, да к тому же и колдует. Таким самое место если не на виселице, то хотя бы в тюрьме. Даже хорошо, что она не пыталась взять что-то потяжелее кинжала, иначе сразу бы прибили. А так еще на телеге успеет покататься, Рейнхилл посмотрит, тюрьму местную...

Не желая думать о том, что ждет её дальше, Эл прислушалась к тихому разговору стражи.

— Да, не повезло тебе... — сочувственно качал головой один. — Но праздник же, может, отпустят?

— О чем ты, — безнадежно махнул рукой второй солдат. — У всех праздник, кроме нас. Говорят, на площади столы будут с хлебом и вином, и все бесплатно, для народа. Магистрат даже обещал десяток свиней зажарить, но, наверное, врет.

— Конечно, врет, кто будет мясо за так раздавать...

Столы, праздник? Что все это значит?

— Ну, знаешь, король не каждый день женится, может, и правда...

— Ерунда! Ты в столице недавно, порядков наших не знаешь, а я тебе так скажу: где что можно украсть, обязательно украдут. Даже если король распорядится народу свинины выдать, думаешь, мы ее увидим? Как бы не так! Все, все у магистрата осядет.

— Мне вот и вина не достанется, я в карауле буду, — сердито ответил солдат и замолчал.

Как интересно, королевская свадьба! Эл никогда такого не видела. «Пожалуй, и не увижу», — подумала она, бросив взгляд на свои связанные руки.

Впрочем, может, рано отчаиваться? Если в Терравирис такое торжество, может, и ей что-нибудь перепадет? А на ней-то, по сути, преступлений никаких. Ну да, жила с разбойником, готовила ему, лечила по случаю. Так он заставлял! Попробуй откажись. Жалко все-таки, что Уил её не побил, с синяками бы жалостливее вышло. Да и вообще, какая из неё разбойница: грамоте обучена, говорит складно, почти как благородные, манеры всякие знает (спасибо люмине).

Нет, её не должны казнить. Не может все вот так закончиться.

Телега скрипела и подпрыгивала на каждом ухабе, грозя выкинуть бедолаг, сидящих внутри. Чем ближе подъезжали они к Рейнхиллу, тем серее становился снег, тем больше на

пути встречалось маленьких деревушек и селений. Вдалеке уже виднелась крепостная стена, когда впереди показался столб серого дыма.

— Что это?

— Что там?

— Да понятно что, — глухо откликнулся солдат, зябко кутаясь в плащ. — Проезжай мимо, не останавливайся, — прикрикнул он на возницу, и трясти стало еще сильнее.

За очередным поворотом лес ушел в сторону, как уходит темный полог, отодвигаемый хозяйской рукой, и пленники увидели, что происходило у каменных стен.

Несколько десятков человек, дети и взрослые, провожали кого-то на тот свет. На каменном постаменте, испещренном изображениями животных и птиц, бушевал огонь, пожирая свою жертву, и в пламени уже было не разобрать, мужчина то или женщина.

Эл быстро отвернулась. После ухода родителей она больше не бывала на сожжении покойников, и вспоминать об этом сейчас не хотелось. Но и закрыв глаза, она продолжала слышать тихий гул: люди прощались. По традиции они вспоминали вслух добрые дела ушедшего, его добродетели. Так они свидетельствовали перед богами: умер хороший человек. Встретьте его, светлые боги, приютите в своем чертоге.

Из разноголосицы выделялся будто один голос, твердящий молитву. Но нет, это был хор — из случайных прохожих, из тех, кто уже сказал все, что знал, но не хотел уходить. Эл услышала, как люди, сидящие рядом, подхватили, и не заметила, как сама присоединилась к ним.

— Не был умен — уползай змеей, не нажил богатства — убегай лисицей, был зол — уползай пауком, не защитил — ускачи конем, не любил — убегай волчицей. И на крыльях ворона вернись в родной дом.

Эти слова знал каждый в обоих королевствах. Говорили, когда-то они могли вернуть к жизни умершего, но не теперь, не в эти темные времена. И все же, сколько ни запрещали в Терравириис «ложных богов», вытравить их окончательно не смог ни один король. Вера в силу богов, надежда на возвращение любимых или хотя бы лучшую жизнь для них после смерти была сильнее.

— Не был умен — уползай змеей, не нажил богатства — убегай лисицей...

Солдаты должны были прервать молитву ложным богам, хотя бы среди заключенных, но Эл заметила, как беззвучно двигаются их губы, повторяя древние слова:

— ...и на крыльях ворона вернись в родной дом.

На исходе декады Темного, в пятую секстину, на горизонте появились знамена. Медленно, величественно из молочного тумана выплывали сине-серебряные стяги. И это было бы счастьем, не рей рядом со знакомыми мечами на лазури флаги Ферлиберт — черный сокол на золотом поле.

Сердце Анны упало. Неужели слухи были правдивы? Она до последнего надеялась, что нет, хотя еще секстину назад сонный двор всколыхнулся. До ближайших деревень, до придорожных трактиров сновали быстрые почтовые голуби. Гонцы от короля приносили вести: король здоров, король счастлив, король возвращается. Но возвращается не в одиночку: с ним королева Ферлиберт — Маргарита и их дети: кронпринц Эдвард, его младший брат Бертран и принцесса. Катриона Фернеол.

Король Генрих был слишком стар и болен для такого путешествия — да и кому было дело до него? Всех интересовала она одна. Принцесса.

Молва, летевшая гораздо быстрее королевского кортежа, утверждала, что она чудесна. Ей восемнадцать лет, и прекраснее её свет не видел. Пьяницы-трубадуры уже всюю распевали песенки о её золотых локонах и голубых глазах. Придворные дамы из всех сил старались вызнать, как она одета, и уже причесывались на южный манер, убирая распущенные волосы

под ажурную сетку или тончайшую вуаль. Будто и не плели никогда затейливые косы, пряча их под тяжелые бархатные чепцы.

Анна не удивилась бы, если эти глупые гусыни начали носить и платья по южной моде, легкие и воздушные, сплошь из воздуха и тонкого, как паутина, золотого кружева... на излете северной зимы. Лихорадка значительно бы проредила ряды невыносимых дур в замке.

Но оживился не только Белый меч. Казалось, расцвел и сам город. Радостные жители, нарядившиеся в ожидании короля в свои лучшие одежды, смотрелись краше, чем обычно: с их лиц не сходили улыбки. Точно день Владыки наступил на семь секстин раньше. Даже солнце всё чаще проглядывало из-за туч, будто приветствуя Ричарда. Из теплиц торговцы извлекли всевозможные цветы, и замок, да и сам город среди зимы будто обратились весенним садом.

— Какое платье вам приготовить, миледи? — спросила Грейс, но ямочки на её щеках тут же пропали, стоило ей взглянуть на лицо госпожи, в котором не осталось ни кровинки.

— Черное, — ответила Анна глухо. Служанка отпрянула.

— А в-волосы? Я могу заплести как модно нынче.

— Оставь как обычно. И... — она на секунду задумалась, но решительно кивнула. — Поддай мне церемониальный плащ с гербом.

— Но миледи... — глаза Грейс округлились, — вы же не на войну собираетесь?

Улыбка искривила губы:

— Откуда ты знаешь?

Когда придворные вышли во внутренний двор замка, чтобы встретить Ричарда и его гостей, среди дрожащих дам в ярких нарядных платьях Анна Эстер чувствовала себя почти спокойно. Только рука почему-то всё время тянулась к золотой фибуле в виде звезды, скрепляющей плащ у горла. Такой плащ предки Эстеров надевали лишь на бой, когда требовалось оборонять Утонувшую звезду от южан.

«Я не объявляла войну Катрионе Фернеол, — подумала Анна. — Я лишь защищала свое. Никто не отнимет у меня Ричарда. Никто».

Может быть, это всё неправда. Выдумка поэтов. В Терравирис давно не было послов из Ферлиберт. Людям... людям только дай поверить в прекрасную сказку о любви к чужеземной принцессе. Это все неправда. Ричард не мог.

«Ну и что, что роза белая, как снег? Это ничего не значит. Глупое, мелкое колдовство, не более...»

Но когда двор наполнился шумом голосов, топотом коней, мельканием цветных платьев и незнакомых лиц, когда в гостеприимно распахнутые ворота въехал Ричард...

Не только придворные дамы полюбили южную моду.

В первую секунду она его даже не узнала. Но отчего-то похолоднело сердце в мучительном предчувствии. Его лицо было гладким, будто у мальчика, чьих щек еще не затемнила борода, а сам он стал выглядеть младше. «Южане не носят бород, — билась в виски глупая, очевидная мысль. — Он теперь тоже... южанин?»

Анна хотела посмотреть ему в глаза, хотела, чтобы ее страхи растаяли, как тонкий лед. Но Ричард, этот новый Ричард упорно не смотрел на нее. Он смотрел куда-то в сторону, и она больше всего на свете не хотела знать, на кого он смотрит.

Это была она, Катриона.

Рука помимо воли еще крепче вцепилась в фибулу. Острые лучи звезды впились в пальцы.

Ей не больно. Не больно.

Не больно.

Принц Бертран откровенно скучал.

Дорога, и так не слишком приятная, да еще не в самой лучшей компании: матери и старшего брата, который, кажется, вознамерился посоревноваться с северянами в надменности.

Из всех этих зануд только малютка Китти казалась живым человеком, но она... Бертран вздохнул, наблюдая, как сестричка в очередной раз мило краснеет под взглядом этого... этого...

Он поспешно отвернулся, будто подглядывал за чем-то непристойным.

И не свернешь ведь. Даже их лошади шагают строго по протоколу. Мать впереди, Эдвард чуть позади, он сам — медлит ещё на шаг. Что за тоска.

Даже лучшего друга не разрешили взять с собой. Хотя кому здесь мог помешать Доран? Но в его мать, сеньору Агнесу, как шигтен вселился.

— Только не Рейнхилл! Никогда!

И старик Роберт поддержал, как ни странно. Из-за стариковских причуд и словом перекинуться теперь не с кем, с досадой подумал Бертран. Лошадь издала тихое ржание, и он осторожно похлопал ее по холке. Только и оставалось, что наблюдать за церемониалом. Ску-ка.

Внезапно скука рассеялась, как дым. В толпе разряженных улыбающихся дворянок — надо же, он-то думал, в этом королевстве без магии не женщины, а плесневелые сухари — внимательный взгляд Бертрانا выхватил одно лицо. Вот так, по его мнению, и должна выглядеть настоящая северянка. Чтобы от одного только взгляда эль в кубке скисал.

Не то чтобы он заинтересовался... Хотя, видят боги, что-то внутри него безошибочно, как гончая, чуяло отличную шутку.

Он сделал знак одному северянину из процессии, поймав испепеляющий взгляд Эдварда. Ему-то что за дело?

Поравнявшись с приятелем короля Ричарда, Брэндон, он спросил:

— Не скажете, кто это?

Тот прищурился. Из всех послов Терравирис он оказался чуть ли не единственным, с кем можно было разговаривать. Не сказать, что они подружились... Но при случае, кажется, убьют друг друга не без сожаления.

— Вон та, в синем шелковом платье с вырезом по вашей моде? Леди Аллин. Она, кажется, твердо решила скончаться от воспаления лёгких.

— Не туда смотрите, сеньор. Левее. Другая, с вытянутым, как на похоронах, лицом. Что с ней такое? Ей кто-то ногу отдал?

Брэндон хохотнул:

— Ах, эта. Странно, что вы обратили внимание.

— Любите же вы, северяне, своих женщин.

— Не меньше вас, южан, — не остался в долгу Брэндон. — Это леди Анна... Не слишком приятная особа. Ее родители умерли давным-давно, и королева Элеонора, да пребудет ее дух в Чертоге Владыки, взяла бедную сиротку на воспитание, и пока она была жива, всё были уверены, что это наша будущая королева, — в голосе Брэндона послышались ехидные нотки.

С таким видом передавать сплетни пристало разве что вдове-бездельнице, подумал Бертран.

— Не слишком-то вам ее жаль.

— С чего бы? Десять лет перед ней все пресмыкались, как могли, теперь же она получает по заслугам, — хмыкнул Брэндон. — Но к ней лучше не приближаться... не только поэтому.

Голос его понизился до едва различимого.

— Хоть и говорят, что леди Анна была воспитанницей королевы Элеоноры, на деле это не так. Ее очень быстро к рукам прибрала другая королева... Та, о которой мы предпочитаем не говорить.

— Ваша королева-ведьма? — легкомысленно уточнил Бертран. — Которую вы милосердно держите в башне вместо того, чтобы утопить, как любую честную женщину?

Он не удержался. Уж очень ему хотелось посмотреть на лицо северянина. Это было все равно, что спросить у безутешных родственников, тепло ли им от погребального костра.

Брэндон скривился и не ответил.

— И что же, королева-бабушка научила маленькую сиротку плохому? Она бы еще доспехи нацепила, право слово.

Брэндон помедлил.

— Доказательств этому нет, но... Она вечно одна. У нее нет даже компаньонов. Никто из родителей не хочет отдавать дочек в услужение той, которая сама служит ведьме...

— Дочек... или сына? — усмехнулся Бертран.

— Верно, и очередь из женихов не выстроилась, — кивнул Брэндон и добавил уже значительно громче. — Хотя леди Анна очень дружна с королем. Можно сказать, названная сестра Его Величества. Несмотря ни на что.

От Бертрана не укрылся быстрый взгляд, который старший брат бросил на леди Анну. Он поерзал в седле, чувствуя, как по лицу расползается ухмылка.

— Почти принцесса, — протянул он ехидно. — Ты, кажется, нашел выгодную партию, не так ли?

Спина Эдварда окаменела.

— Ваши шутки неуместны, — бросил тот через плечо.

— Женихи всегда делают вид, что не слишком заинтересованы в приданом, — сказал Бертран и, пока Эд не придушил его на месте, поспешно повернулся к Брэндону:

— Итак, каковы же ее владения?

Тот прищурился:

— Боюсь, вам не понравится мой ответ.

— Что, чересчур малы?

— Да нет, напротив, — вздохнул Брэндон. — Это же Эстер. Ей принадлежит Утонувшая Звезда.

Бертран от неожиданности чуть языком не подавился. Отвернувшись от, кажется, весьма довольного собой Брэндона, он еще раз взглянул на девушку.

Да. Теперь он видел. И застежку на плаще... Боги, это же тот самый плащ? На черном бархате волны лазурью и серебром, и золотая звезда.

Но язык будто сам собой произнес:

— Да. Кажется, сватовство придется отменить. Приданое, конечно, жирное, но...

Эдвард наклонился к нему и произнес свистящим шепотом:

— Если ты не заткнешься немедленно, у меня станет на одного надоедливового брата меньше.

Но Бертран все равно закончил:

— Тем более что прекрасная леди, кажется, вознамерилась проткнуть тебя мечом. Даже тряпочку подходящую на плечи нацепила. Интересно, с чего бы ей так волноваться? Не подскажете ли, сеньор Брэндон?

Последнюю фразу Бертран произнес с мягким ферлибертским акцентом, от которого во время обучения у храмовников почти избавился. Просто хотелось немного подразнить Брэндона... и кое-кого еще. Конечно же, Бертран не мог отказать себе в этом маленьком удовольствии.

Парадный зал был наполнен холодным зимним светом: витражи резали солнечные лучи на серебряные и сапфировые лоскуты, мозаикой ложившиеся на пол. Придворные жались к стенам, как фигуры на шахматной доске. Невнятный гул их голосов сливался и тревожил слух.

Разобрать слова было невозможно.

— Поприветствуйте будущую невесту Ричарда — леди Анну Мариллу Теодору Эстер!

Призрак королевы Элеоноры казалось, всё ещё витал в этом зале. Но как многое изменилось со дня её смерти. И некому больше было защитить интересы Анны. Для Синклита, совета лордов Утонувшей Звезды, где Эстеры испокон веков были первыми среди равных, она была никем.

— Поприветствуйте невесту короля — принцессу Катриону Маргариту Изабеллу Фернеол.

Пугающая действительность стала неизбежной. Ей очень хотелось посмотреть в лицо Ричарда — но она не могла. Ужас схватил её за горло. Какими глазами он смотрит на ту, другую, которая оказалась лучше неё?

Она не хотела знать.

Катриона вошла, безупречная, как в день прибытия в Рейнхилл. Золотые волосы спускались до талии. Но на этот раз она выбрала цвета Терравирис. Тяжёлые парча и бархат будто придавливали её, невесомую, к земле.

Анна сделала над собой усилие и отвернулась. Хвала богам, Ричард умел держать чувства при себе — его лицо выглядело непроницаемым. Он сделал всего один короткий шаг ей навстречу. Катриона остановилась, склонила голову. В зале повисла пауза — как будто сотни присутствующих задержали дыхание.

— Анна, — сказал Ричард, обернувшись. — Подойди.

Нет, нет, пожалуйста. Сердце билось слишком быстро, будто вот-вот разлетится вдребезги. Она чувствовала на себе чужие взгляды. Стоило просто идти... и не думать, что последует за этим.

— Ваше Высочество, — произнесла она, стараясь, чтобы голос не дрожал. И поклонилась низко, чтобы каждый видел: отныне она знает своё место.

— Анна — мой друг, — мягко сказал Ричард. — Я надеюсь, принцесса, что она станет добрым другом и для вас.

Как же больно.

«Ну давай же, скажи что-то высокомерное, — подумала Анна отчаянно. — Дай мне убедиться, что ты такая, как я чувствую».

— Мне Ричард рассказывал о вас! — звонко и приветливо отозвалась Катриона.

Анна опешила.

— Я так рада познакомиться с вами, — продолжила принцесса.

Анне было сложно не хватать воздух, как рыба, на виду у всех. Кажется, уже раздавались сдавленные смешки. Через силу Анна улыбнулась в ответ на сияющую улыбку Катрионы.

Либо Катриона очень умна, что сумела её обезоружить одной фразой, либо она... просто очень юна. Тем хуже для неё.

— Для меня честь быть представленной вам, — выдавила Анна.

Да ради Владыки, когда же это всё закончится? Она кожей чувствовала взгляд Ричарда.

— Я тоже счастлива, я тоже! Нам непременно стоит проводить всё время вместе...

— Если Его Величество позволит.

Интересно, слишком ли явно в её голосе прозвучал ужас?

— Об этом не стоит беспокоиться, — понизила голос Катриона, голубые глаза лукаво блеснули. — Его Величество позволит всё, что я пожелаю!

Тёмный тебя побери, подумала Анна. Придётся притворяться больной всякий раз, как принцесса захочет её видеть.

Глава 3

Тюрьма оказалась еще менее приятным местом, чем можно было себе представить. В камере, куда бросили Элайв, не было ничего, кроме сгнившей соломы на каменном полу. Даже крысы не бегали: наверное, поживиться тут совершенно нечем. Железная дверь с решеткой выходила на коридор, освещаемый чадившими факелами. Другого света не было. Наверняка здесь сидел кто-то ещё, но соседи никаких признаков жизни не подавали. Темнота, царившая в подземелье, будто давила своей тяжестью.

Эл не знала, сколько её тут продержали, только несколько раз приносили какую-то отвратительную похлебку, запах которой было не вынести даже после голодной зимы. Все остальное время она либо спала, сжавшись в комок, либо лихорадочно размышляла.

Сколько еще придется тут сидеть? Чего ждать? Допроса? Попыток? И что они собираются с ней сделать? Возможно ли вообще, чтобы её отпустили? Или это все?.. Конец...

Вдруг где-то наверху распахнулась дверь. Белый дневной свет, вылившийся, как молоко из крынки, сначала ослепил Элайв, но потом позволил разглядеть тюремный подвал получше.

Её камера была крайней, сразу за ней шла лестница наверх, где и находилась дверь наружу. Оттуда послышались голоса, затем тяжелые шаги по лестнице. Мудрая, не оставь в беде твою верную дочь!

— Мы как распоряжение получили, сразу за вами послали, ваша милость. Может, ошибка какая...

— И очень правильно сделали. Ошибка... Конечно, ошибка, но боюсь, что не наша. Так сколько их здесь?

— Человек пять... И одна еще — ни туда, ни сюда.

— Разберемся.

В неверном мерцании факелов и тусклого света из двери, Эл разглядела двух мужчин: солдата, видимо, из охраны и неизвестного в черно-красном плаще. Охотник? Зачем здесь охотник?!

— Давайте обойдем их по очереди. С кого начнем?

— Да вот, первая же дверь, ваша милость, — суетливо загремел ключами солдат. — Это та, которая ни туда, ни сюда. Сами увидите.

Эл отбежала от двери и вжалась в сырую стену. Охотник пришел за ведьмами? Ее отведут на казнь?

Дверь распахнулась и солдат прикрикнул:

— Сюда иди! Не хватало еще ловить тебя по углам, как крысу!

— Или змейку, — вкрадчиво добавил черно-красный плащ. — Ты ведь из них?

Эл несмело шагнула вперед:

— Я... Если позволите, милорд, я всего лишь травница...

— А за что тебя взяли?

— За разбой, — услужливо подсказал солдат. — А потом кольцо на пальце увидели.

Охотник раздраженно цыкнул на своего спутника:

— Так зачем вы ее мне подсовываете? Мать не по моей части.

— А мы тоже не вчера родились, ваша милость. В доме-то всякое нашли: и змеинный глаз, и порошки разные, и камни... Матери так не служат.

Охотник вновь повернулся к Эл:

— Это правда? Учти, лорду Блэксворду бесполезно врать.

Эл похолодела. Сам Блэксворд! Главный королевский лекарь и охотник... Если он здесь, свободы ей не видать. Но это не значит, что она сама шагнет в Лату!

— Ваша милость, вы и сами знаете, что травы всякие бывают, и все идут в дело, — Эл сложила руки на животе, стараясь унять дрожь в пальцах — А то, что некоторые используют и слуги Мудрой, так то не наша вина.

Эл не видела его глаз, но чувствовала на себе изучающий взгляд. Охотники — не просто люди, они настоящие ищейки: магию чувствуют как хищники запах страха своей добычи. А уж первый из них и подавно. Должно быть, ночью не уснет, если около дома дух Мудрой почует. Вот только сейчас Эл говорила почти правду: сколько бы ни молилась она светлой богине, та одарила её только способностью варить зелья, а что до остального... Её огонёк не нёс в себе ничего, что могло бы привлечь охотника. Впрочем, разве зелий недостаточно? Она слышала, что к утоплению приговаривали и за меньшее.

— Мудрая отметила тебя, — задумчиво сказал Блэксворд, — я чувствую её след.

— Нет! Пойдите! — Эл схватилась за камни стены, будто они могли её защитить. — У меня же есть кольцо! Я всего лишь травница!

— Кольцо можно и украсть, а чутье меня еще ни разу не подводило. Наружу ее.

Солдат стальной рукавицей схватил ее за плечо и вытолкнул в коридор.

— Нет! Не смейте! — только и успела крикнуть она, но никто уже не обращал внимания. Солдат стянул с неё кольцо, больно вывернув палец, и отдал Блэксворду. Мамино кольцо! Последнее, что оставалось у Эл! Охотник пошел дальше, а ее повели наверх.

— Пустите меня! — Эл пыталась вырваться, но что она могла против тюремной стражи.

Ее вывели во двор, где уже собирались зеваки. Утро занималось теплое и ясное, но не станет ли оно последним для Эл?

Она молилась Мудрой. Молилась Матери. Даже Воину, в конце концов, ведь именно к нему обращались все, кто умел держать оружие. А еще Доброму — все знают, что он любит лихих людей, и если будет в настроении, то не даст их в обиду. Уилфред молился редко, но только ему.

Интересно, Уил уже вернулся домой? Элайв не хотела в это верить, но сейчас она больше не сомневалась. Он все знал. И теперь она погибнет по его вине. Где он сейчас? В безопасности? И думает ли о ней или уже забыл? А может, даже успел найти себе новую подругу?

От этих мыслей кулаки сжались сами собой. Нет, она не будет тратить последние минуты на мысли о предателе! Он всегда говорил, что Элайв бездарна. Говорил, что нет оружия, ей подходящего, потому что её рука создана совсем не для битвы. Но если бы он сейчас оказался здесь, с каким наслаждением она бы всадила в него кинжал... Или стрелу? Нет, лук бьёт издали, а ей хотелось видеть его лицо... Все-таки нож.

Но ее мысли об убийстве прервали: солдаты вывели во двор еще несколько девушек. Все они выглядели неважно, но, кажется, попались недавно: их одежда не успела испортиться, а кожа потускнеть. Неужели все они ведьмы? Эл никого из них не знала, впрочем, она так редко бывала в городе...

Последним вышел лорд Блэксворд, и все взгляды обратились к нему. Эл наконец смогла его рассмотреть: седые волосы отливали серебром, из-под кустистых бровей выглядывали темные живые глаза, которые, казалось, видят насквозь каждого, а крючковатый нос не вызывал сомнений, что магию он способен учуять на несколько лиг от столицы.

Он осмотрел своих пленниц и, судя по всему, остался доволен увиденным. С неприятной улыбкой Блэксворд сказал:

— Немного ожидания, змейки, совсем немного, и вы все узнаете.

Эл очень хотелось взглянуть на подруг по несчастью, но она не стала. Неважно, что задумал старый паук, Эл не сдастся так просто и постарается помочь другим. Может, самое время позвать огонек? Сумеет ли он поджечь что-то по-настоящему?..

Не успела она как следует обдумать это, толпа зашептала и зашевелилась, словно ветер пробежал по кронам деревьев. Кто-то шел прямо сюда, кто-то очень и очень важный.

— Дорогу королеве!

— Дорогу!

Но в Терравирис нет королевы. Если только...

Элайв видела Маргариту Фернеол на портрете, который ей приходилось чистить от пыли каждую декаду. Она издалека узнала её, когда на площади показалась высокая тонкая женщина. Геральдические цвета и богатые одежды не вызвали сомнений, но было что-то еще в повороте головы, вздернутом подбородке и идеально прямой спине. Что-то знакомое и вместе с тем очень чуждое.

— Ваше Величество, — поклонился Блэксворд. — Я выполнил вашу просьбу, хотя видит Владыка...

— Я ценю вашу отзывчивость, — перебила его королева. — Как еще нам достичь мира, если не идти на взаимные уступки, не правда ли?

Эл показалось, что она услышала, как скрипнули его зубы. Между тем, королеву он больше не интересовал. Она подошла ближе к девушкам, выставленным на площади, как вывешенные на ошип курицы. Она едва пробежала по ним взглядом и вновь обернулась к охотнику:

— Шестеро? Со всей столицы?

— У нас дочери Мудрой надолго не задерживаются, знаете ли...

Королева шумно вдохнула и больше на Блэксворда не смотрела. Она заговорила со всеми сразу, и голос ее, низкий, бархатный, будто отражался от стен и брусчатки, становясь еще громче.

— Как вы знаете, принцесса Катриона Фернеол скоро станет королевой этой страны. И в знак мира и любви, что воцарятся между нашими странами, король Ричард, да продлит Владыка его дни, позволил нам этот жест доброй воли. Женщины, что были осуждены за колдовство, будут отпущены. Вы видите перед собой этих несчастных, которым больше не грозит казнь. Я лично, своим именем клянусь, что они не причинят никакого зла ни королевству, ни его жителям.

Маргарита Фернеол посмотрела на девушек:

— Я знаю, что такое служба Мудрой и не могу осуждать вас за это. Но прошу вас чтить законы этого королевства, — она переводила взгляд с одной на другую. — Я могла бы пригласить вас к нам, на юг, но не уверена, что...

Она встретила взглядом с Эл и запнулась. Эл ничего не могла понять по ее лицу, но что-то было не так. Что-то смутило королеву.

— Не уверена, что вы захотите оставить свой дом и свои семьи, — закончила она, отворачиваясь. — Однако, какое бы решение вы ни приняли, вашей жизни больше ничего не угрожает.

На площади повисла тишина, стало слышно, как поют птицы где-то в саду неподалеку.

— Благодарим вас, Ваше Величество! — воскликнула одна из девушек и упала на колени.

— Да, благодарим!

— Спаси вас Матерь!

Эл тоже опустилась на колени, но никак не могла взять в толк, что только что произошло. Их просто отпустят? И все?

— Я должен сказать, — вновь заговорил Блэксворд, перекрикивая уличный шум. — Мы, конечно, пойдем навстречу Ее Величеству, однако если эти девушки будут пойманы повторно... — он с улыбкой развел руками.

— Полагаю, такой ошибки они не допустят, — холодно ответила королева.

Стражники стали развязывать руки пленницам, Эл ошарашенно ждала своей очереди, а солдат, разрезав пути, сказал:

— Идем, королева хочет говорить с тобой.

Эл оглянулась, но площадь уже почти опустела.

— Идти? Куда?

— Приказано отвести в замок.

«Ох, Мудрая, что еще ты приготовила?..»

Замок, в котором Эл жила с люминой, не шел ни в какое сравнение с Белым Мечом, карапающим серое северное небо шпилями башен. Разве мог небольшой замок с четырьмя старыми башнями спорить с десятками крытых галерей, резными окнами и витыми бесконечными лестницами? Все равно, что сравнивать игрушечную деревянную лошадку и породистого скакуна.

Тюремный охранник передал Эл замковому слуге, а тот шел быстро и не оборачивался. Даже если бы она постаралась запомнить, куда ее ведут, все равно бы не смогла: коридоры и переходы сменяли друг друга так быстро, что нечего было и пытаться.

Наконец они оказались перед тяжелой дверью.

— Жди здесь, я доложу, — сказал юноша и нырнул внутрь.

Эл больше не чувствовала страха, слишком много всего произошло за последние сутки. Да и вряд ли ее притащили в королевский замок, чтобы казнить. Но все же... Что могло понадобиться королеве от простой девушки? Возможно, дело в том, что ее люмина служила семье графов д'Эвре? Может, Мара рассказывала что-то госпоже о своей ученице? Ох, Мудрая спаси, вряд ли это было что-то хорошее...

Эл снова начинала нервничать. Она ловила неодобрительные взгляды служанок, снующих мимо, и представила, как, должно быть, ужасно выглядит: светлая коса давно не видела теплой воды, рубашка заметно посерела и затерлась, а подол милосерднее было отрезать, чем пытаться отстирать. Но что она могла сделать? Не рассчитывая на успех, Эл все же отряхнула платье и пригладила волосы.

Спустя пару мгновений ее позвали внутрь.

Эл не рассчитывала вновь увидеть королеву Маргариту Фернеол, однако та ожидала ее собственной персоной. Она сидела в кресле у огня и была совсем не такой, как на площади: расслабленная улыбка играла у нее на губах, а рядом сидела девочка, похожая на нее, как собственный портрет, нарисованный лет двадцать назад. Обе смотрели с веселым любопытством.

Эл поспешила поклониться. На нее вдруг напало ужасное смущение и робость.

— Как тебя зовут, дитя? — прошелестел голос королевы.

— Эл... Элиза, миледи.

— Что ж, Элиза — только что выдуманное имя почему-то развеселило королеву, — ты была самой молодой из тех, кого нашёл королевский охотник. За что тебя поймали?

— Меня оговорили, Ваше Величество! Охотник отобрал у меня травническое кольцо, которое принадлежало мне по праву.

— Вот как? — Глаза королевы блеснули холодом. — И кто учил тебя травничеству?

— Моя люмина. Она служит в имении графов д'Эвре, если позволите.

Принцесса удивленно посмотрела на мать, но та и бровью не повела.

— Её зовут Мара, — несмело продолжила Эл. — Возможно, вы...

— Вот почему твое лицо показалось мне знакомым! — кивнула королева. — Я видела тебя там однажды. Мара редко берется кого-то учить, и мне известно, насколько она хороша в своем деле. Верно, она учила тебя и зельям?

— Точно так, миледи.

— Прекрасно. Зная север, я бы не стала всем рассказывать про твое истинное дело, а вот травница здесь осуждения не вызовет. Дорогая, — обратилась она к дочери, — ты хочешь еще что-то спросить? В конце концов, только тебе решать, оставлять Элизу или нет.

Оставлять? Что значит «оставлять»?

— Матушка, я во всем доверяюсь вам, — покорно опустила ресницы принцесса. — Но если мы решим взять девушку, думаю, ей нужно дать время освоиться. Вряд ли ей приходилось раньше служить при столь высоком дворе.

— Ты права. Элиза, тебя разместят среди замковых слуг, работа здесь всегда найдется. Однако не забывай свое ремесло, очень скоро оно нам пригодится.

— Пригодится? — переспросила Эл, совершенно растерявшись. — Но что именно...

— Позже Катриона тебе все расскажет. Верно, милая?

— Да, сейчас столько приготовлений к свадьбе, совершенно не до того, а после церемонии я дам тебе пару заданий, — принцесса бросила быстрый взгляд на мать, словно ожидая одобрения. — Только держись поближе, чтобы мне не пришлось тебя разыскивать.

— Конечно, миледи, — поклонилась Эл, все еще не веря в происходящее. Она теперь живет здесь? В королевском замке? Не может быть! Но слушая, как Катриона отдает распоряжения слуге накормить, переодеть и разместить новую травницу, Эл поняла — может. Не зря она так усердно молилась Мудрой!

Столица Терравирис была зловещим местом. Поколения Тервальдов тратили огромные средства, чтобы сделать её светлой и радостной, но болотистая местность поглощала все без остатка: и деньги, и здоровье жителей. Рейнхилл был чуть ли не самым мрачным городом королевства, радующим глаз только в редкие солнечные дни. Крепость стояла на слиянии рек: быстрой, юркой Королевской и полноводной, мощной Латы — последнего пристанища для многих и многих слуг Мудрой. Над городом висела печать смерти, и никакие яркие площади и веселые праздники не могли этого изменить.

Едва у Элайв выдалось свободное время, она отправилась в город. Она знала, куда нужно идти, как знали это все ведьмы страны.

Главная площадь Рейнхилла с ратушей и большим рынком притягивала толпы людей. Огромная башня, которую не смог бы себе позволить ни один другой город королевства, возвышалась над муравьиной возней местных жителей. Четыре раза в сутки хитроумные часы мелодично звенели над столицей, заставляя приезжих задирать головы и озираясь.

Когда Элайв оказалась здесь впервые, это чудо застало её врасплох, и она провела не меньше часа, глаза на гладкий, как поднос, полночно-синий овал, по которому медленно двигались стрелки, а еще кружились солнце и луна. Чудо не потеряло своего очарования и теперь: она снова замерла, глядя наверх.

Часы показывали не только время: над цифрой двенадцать в маленьком окошке можно было разглядеть золотой месяц. Когда наступит декада Владыки, он сменится вороном, потом короной. Эти символы обозначали половину декады, и каждый знал, под каким знаком он родился. Эл подумала, что обязательно придет на площадь в свой день рождения, чтобы посмотреть на маленького пса, под знаком которого она появилась на свет.

Говорили, что часы только выглядят волшебными, а на самом деле работают на каком-то хитром механизме, в котором нет ни капли магии. Не очень-то в это верилось, но будь часы заколдованы, их бы не вывесили на всеобщее обозрение. В Терравирис гордились отсутствием волшебства.

Засмотревшуюся на диковинку Элайв кто-то толкнул в спину.

— Дорогу!

Крепкий мужчина вез на тележке хворост, и ей пришлось посторониться, чтобы пропустить его. Площадь жила своей жизнью, которая не затухала ни днем, ни ночью.

Напротив ратуши разместился большой рынок. Чего тут только не было: овощи и фрукты из южных графств, яркие ткани и ленты, доставляемые на кораблях, даже коровы и курицы в деревянных клетях. Но Элайв шла не за покупками. От рынка нужно было свернуть на узкую боковую улочку, едва заметную за пышным разноцветием торговых рядов.

Именно там находилось место, куда стремилась каждая ведьма, оказавшаяся в столице, — таверна «Чаша и Коготь». На первый взгляд она ничем не выделялась. Разве что мужчины заходили сюда гораздо реже, чем в другие питейные заведения округа. Их не выгоняли, не отказывались обслуживать, но почему-то второй раз они здесь не появлялись. Задерживались лишь положившие глаз на кого-то из местных посетительниц... Но этим уже вряд ли кто-то поможет.

И почему сюда не заглядывали охотники? Почему они до сих пор не закрыли этот колдовской притон, притаившийся в самом центре столицы? Ходили разные слухи, один невероятнее другого, но большинство считали, что щедрую часть выручки хозяйка отдает городской страже.

Элайв бывала здесь прежде, но давно, до Уилфреда. Она пришла сюда в поисках крова и защиты. Об этой таверне ей рассказывала еще Мара, и добилась того, чтобы маленькая Эл крепко запомнила, куда идти и к кому обратиться. Правда, в тот раз она натворила тут дел, и, возможно, Клара, хозяйка этого заведения, больше не захочет её видеть...

Внутри царил обычный для таких мест полумрак. Не успели глаза Элайв привыкнуть, как она услышала оглушительное:

— Эл! Вот так сюрприз! Явилась!

Она вздрогнула, но голос узнала. Клара! Не выгонит ли?

— Здравствуй! А я... Сразу к тебе.

— Очень рада! — Клара сгребла её в охапку белыми полными руками. Рыжие кудри защекотали нос, но это было приятно. От хозяйки пахло какой-то сдобой. — Ну, рассказывай! Надолго ты к нам?

Вроде бы не сердится, как будто ничего и не было. Ну и пусть. Так даже лучше.

Клара отвела Эл в сторону и усадила за стол.

— Наверное, ненадолго. Еще не знаю. Я теперь живу в Белом мече.

— Да ладно! — Клара хлопнула себя по бокам, выбив из них облачка то ли пыли, то ли муки. — Как так вышло?

— Я поступила на службу к... — Эл осеклась, подумав, что пока рано хвастаться. — К одной южанке.

— А Мара тебе, значит, больше не указ?

Элайв стыдливо опустила голову:

— Ты с ней виделась?

— Виделась. И еще увижусь. И про тебя расскажу, даже не сомневайся.

— Она сердится на меня?

— Нет, но... Хоть Расскажи, где ты пропадала все это время? Всем интересно, ради чего ты её бросила. Или кого, — подмигнула Клара.

Элайв покраснела еще сильнее. Она никогда не думала о своем побеге как о предательстве. Нет, просто пришло время, а Мара этого не понимала.

— Ты и сама все знаешь, — ответила она, упрямо тряхнув головой.

Клара расцвела широкой улыбкой:

— И где он?

— Не знаю. И вообще это не важно!

Клара понимающе кивнула, пряча глаза. Она что, смеется?!

— Я буду служить Мудрой! И никто мне не нужен, понятно?

Хозяйка неодобрительно хмыкнула:

— Будешь, если перестанешь так орать.

— Ой, прости, — Эл понизила голос и оглянулась. — В лесу разучилась постоянно помнить про слезку.

— Ничего, ты же знаешь, у меня безопасно. А пока поешь, дитя. Он тебя вообще не кормил, что ли?

Она махнула рукой, подзывая кого-то, и через минуту перед Эл стояла плошка с наваристой рыбной похлебкой. Дымок пах травами и насыщал сам по себе. Она не задумываясь схватилась за ложку.

— Хорош супец?

— Очень вкусно!

— А тут, представляешь, принесли мне как-то рыбу. Большую, зубастую, живую ещё... Ведро такое здоровое, она там плещется и поглядывает на меня одним глазом, будто все понимает.

Элайв с трудом оторвалась от плошки:

— А кто принёс?

— Паренёк какой-то... И зовут его странно, не по-нашему. Я не запомнила. И вот говорит он мне: «Купи щуку, она волшебная». Я и спрашиваю, что же в ней такого особенного? А он усмехнулся так хитро, мол, желания она исполняет. Только заклинание надо сказать, и все сделает. Я не поверила, конечно. Постоянно какую-то муть пытаются с рук сбыть, не впервой. Ещё костистая такая, только на уху и пойдет.

— Ох, ты же не... — Элайв с сожалением посмотрела на полупустую тарелку.

— Да нет! — рассмеялась Клара. — То давно было, осенью еще.

Элайв с облегчением продолжила есть.

— А вдруг та щука и правда волшебная? Надо было проверить.

— Да я и проверила... Говорю, прикажи ей, чтобы у меня вся посуда в таверне стала чистой. Он что-то в ведро пошептал на своём языке, глядь — и правда, чашки, миски, все как новое. Аж скрипит. Вот только у тех, кто в тот момент ел, тоже стало пусто.

— И что же, купила?

— Нет, конечно, — Клара махнула рукой. — Попыталась заклинание выучить, а там такие слова — язык сломаешь. Ну и цену он заломил... Может, кто и купил, не знаю. Вон у соседей вечно ни гроша, а дом себе справили — будь здоров. Наверное, рыба подарила.

Когда ложка заскребла по дну тарелки, Клара мягко усмехнулась:

— Быстро ты справилась. Знаешь... Заглядывай почаще. Покормлю тебя, да и вообще, — она задумчиво посмотрела в окно. — Столько лет прошло, а я все ещё скучаю по твоей матери.

Элайв опустила глаза. Она тоже скучала, но никогда не думала, что может с кем-то разделить это чувство. И зачем она так долго избегала встречи с Кларой?..

— Да я... Я буду приходить. Обязательно. Только... Я же...

— Что такое?

— Ну, помнишь, в прошлый раз я... Я не хотела! Правда не хотела!

Клара заговорщически улыбнулась:

— Совесть мучает?

— Я же не знала...

— Идем-ка со мной.

Ловко пробираясь между столов, Клара направилась куда-то за стойку. Что сейчас будет? Ведьмы не должны враждовать и тем более вредить друг другу, это против законов Мудрой! Правда, что бывает с нарушительницами, Элайв не знала, наверняка что-то ужасное! Но ведь она виновата, и за это придется ответить. Так будет честно.

Хозяйка подвела её к небольшому котелку, подвешенному в углу задней комнаты.

— Вот, смотри.

Элайв замерла в нерешительности. Зачем заглядывать в котел? Это и есть наказание?

— Да хватит дрожать, заяц! — Клара всплеснула руками, уже почти сердясь. — Ну! Некогда мне тут с тобой!

Задержав дыхание, Элайв заглянула внутрь. Из котла на неё уставились два голубых глаза. При виде девушки они сощурились.

— Ч-ч-что это?!

— Агата, которую ты окатила. Совсем-то она не помрет, не такова наша старушка. Вот увидишь, еще тебя переживет. Не сегодня-завтра снова заговорит.

— К-как? Почему?..

— Проклятье на ней такое. Вот, — Клара сунула ей в руки какую-то кружку. — Налей в котел.

Элайв смотрела на хозяйку, ничего не понимая.

— Там эль, она его любит. Давай, налей, может, она тебя и простит.

В котле что-то довольно забулькало. Неужели Агата и вправду все слышит и понимает? Дрожащей рукой Элайв медленно вылила содержимое кружки в котел. Глаза зажмурились от удовольствия. Чуден мир твой, Мудрая!

Пока Катрионе Фернеол не требовались никакие зелья, управляющая приставила Эл к уборке комнат. Она должна была приводить в порядок покои самой принцессы и её братьев, а также зал, в котором они собирались вечерами.

Сегодня Эл пришла туда с ведром воды и метлой, но все и так было в порядке. Подушки лежали на своих местах, гобелены прикрывали холодные каменные стены, а пыли здесь почти не водилось.

Только назойливое жужжание действовало на нервы. Откуда посреди зимы взялась муха? Впрочем, южане так жарко топят, что она могла и проснуться от спячки. Следуя за звуком, Элайв обнаружила её на стене. Огромное зелёное тело отливало золотом и лазурью, а крылья своим размахом сделали бы честь иной стрекозе. Насекомое не очень-то раздражало, а вот господам наверняка не понравится.

Делать нечего, придётся эту красавицу ловить. Только как?.. Зря погоняв муху от одной стены к другой, Эл поняла, что это бесполезно. Приманить её? Говорят, они любят сладкое.

В кувшине оставалось немного медового вина. Она вылила его в глиняный кубок и поставила на стол. Муху пришлось подогнать в нужном направлении, но все же, то ли по совпадению, то ли почуяв угощение, она соблазнилась на приманку и заползла по стенке внутрь. Элайв накинула сверху полотенце. Нужно было бы выйти из комнаты и выпустить добычу, но она не успела.

— Миледи, я был бы счастлив, если бы вы разделили моё одиночество... Уверяю, здесь нам никто не помешает.

В залу вошли двое: благородная леди, которую Эл, кажется, видела среди северян, и принц Бертран Фернеол, который явно не ожидал здесь никого встретить.

— А ты что здесь делаешь? — раздраженно спросил он Элайв.

— Простите, милорд, я убирала. Но я уже ухожу.

Кажется, господ это вполне устраивало, и принц потеплевшим тоном велел:

— Налей нам вина и можешь быть свободна.

Эл кивнула и уже хотела выйти, но леди остановила ее:

— И куда ты пошла? Вот же кубок, у тебя в руках!

— Я налью вам другого.

— Постой! Ты что, пила хозяйское вино?

Эл почувствовала, как запылали ее щеки.

— Нет, миледи, я никогда...

— Глаз да глаз за этими слугами! Я же вижу, что ты врешь!

И леди решительным шагом направилась к ней.

Бертран был не очень-то высокого мнения о северянках, но Луиза Клеран так явно хотела ему понравиться, что он решил пойти ей навстречу. Её нельзя было назвать красавицей, чересчур длинный нос и мелкие глаза вряд ли могли кому-то понравиться, но, в конце концов, разве не завещал Владыка любить каждого, кто будет нуждаться во внимании и утешении?

Они провели вместе почти весь день, и от Бертрана не укрылось, как завистливо на них смотрели подружки Луизы. Откуда им знать, что он приехал сюда не невесту выбирать, а просто приятно провести время. Через пару секстин южане вернутся домой, а все, что произошло на севере, останется на севере.

Баронесса Клеран была настолько легкомысленна, что даже согласилась остаться с Бертраном наедине... Впрочем, он не собирался этим пользоваться, чтобы не портить свадьбу собственной сестры конфликтом с отцом или братьями баронессы, если таковые найдутся.

Но все же служанка была здесь лишней. Наверное, местная: тощая и серая, как и все они, но догадливая. Девочка сразу поспешила исчезнуть, однако Луиза начала ей выговаривать, будто у северян вина мало.

— Глаз да глаз за этими слугами! Я же вижу, что ты врешь! — возмущалась Луиза, видно, желая себя показать рачительной хозяйкой.

Она набросилась на бедную девочку как ястреб на цыпленка, дёрнула кубок на себя, и служанке пришлось отпустить. Девушка была в ужасе и ждала, кажется, что в тот же миг сам Тёмный сойдёт на землю. Луиза сделала глоток, а потом вдруг с визгом выронила кубок на пол, и он разлетелся осколками во все стороны.

Владыка милосердный! Только бы не рассмеяться! Только бы...

Луиза кричала, бешено размахивая руками, а у её лица летала огромная муха, королева среди мух!

Бертран взглянул на служанку: конечно, она уничтожена, она не знает, куда себя деть, но... Добрый всеблагий! Почему он сам не додумался до подобной шутки? Как жаль, что здесь нет Дорана, надо будет непременно ему рассказать!

— Ты хотела, чтобы она укусила меня за лицо! Ты все это подстроила! — визжала Луиза на весь замок.

— Что здесь происходит? — Китти появилась очень вовремя. Она вопросительно посмотрела на Бертрана, а тот едва сдерживался, чтобы не расхохотаться в голос.

— Ваша служанка, Ваше Высочество! — продолжала верещать баронесса Клеран. — Это все она! Я чуть не умерла!

Пожалуй, надо спасать несчастную, такой талант не должен пропасть!

— Милая, — кажется, он впервые за день искренне захотел сказать Луизе что-то хорошее, — все в порядке. Муха уже летала здесь, когда мы вошли, я заметил. Её привлекло сладкое вино.

Служанка посмотрела на него с теплотой и благодарностью. Вот этот взгляд! Нет, он потопился, назвав её серой. Огромные зелёные глаза завораживали, как омут... Болотный омут глаз! Нужно это записать...

Но Луиза все не успокаивалась:

— Накажите ее, Ваше Высочество! Слуги должны знать свое место! Это... Это неслыханно!

Катриона пыталась улыбаться сочувственно, но у неё плохо получалось. Она взяла баронессу за руку и доверительно сказала:

— Не сомневайтесь, дорогая, я обязательно во всем разберусь. А сейчас не лучше ли вам отдохнуть и прийти в себя? Я распоряжусь, чтобы вас проводили.

Она вывела Луизу, а вернувшись спросила:

— Ну, и кто из вас это придумал?

Бертран хотел было отдать должное изобретательности этой девушки, но она заговорила первой:

— Клянусь, Ваше Высочество, я не специально! Так все совпало, я бы никогда!..

Катриона вопросительно посмотрела на Бертрана, но он лишь пожал плечами. Что ж, если она не хочет заслуженного восхищения... Могло и совпасть.

— Берти, с тобой явно что-то случилось, где твой вкус? Из всех моих придворных дам ты выбрал именно эту?

— Я же не на всю жизнь, так...

Она усмехнулась:

— Скажи спасибо Элизе, что не на всю. — Катриона обернулась к служанке. — Мне все равно, хотела ты над ней подшутить или нет, но впредь давай условимся, что прислуживать ты будешь только мне... — она задумчиво посмотрела на Бертрана и добавила: — и моим братьям. А баронессе не показывайся на глаза какое-то время.

Девушка, поблагодарив, быстро испарилась.

— Элиза, Луиза... — проворчала Китти. — Я здесь меньше секстины, а северянки мне уже до смерти надоели!

Эл подкладывала дров в камин, стараясь лишний раз не оборачиваться. Она чувствовала, как рубашка намочила на спине, но дело было не в растопке. Принцесса велела прислуживать ей семейными вечерами и распустила остальных слуг. Эл ещё не приходилось оказываться в таком высоком обществе, так страшно ошибиться!

Прямо за ней в кресле сидел принц Эдвард и читал книгу. Принц Бертран молча смотрел в огонь, но она лопатками чувствовала его взгляд. А Катриона прогуливалась по зале, не зная, чем себя развлечь. Она уже переделалась в северное платье, вероятно, чтобы не так мерзнуть. Её длинные широкие рукава постоянно за что-то цеплялись, и принцесса каждый раз раздраженно шипела на них.

— Почему я не могу пойти к маме? — сердито спросила она, очередной раз снимая рукав с угла стола.

— Потому что она занимается учетом твоего приданого, — не поднимая головы, ответил принц Эдвард. — Ты же сама не хочешь этим заняться?

— Я думала, ты ей поможешь.

Принц Эдвард со вздохом перевернул страницу:

— Матушка дала понять, что не считает это мужским делом.

— Перебирание цапек? — усмехнулся Бертран. — Пожалуй.

— Тогда я пойду на женскую половину, — плаксиво продолжала Катриона. — Они там наверняка танцуют...

— Нельзя. Скоро ты станешь королевой и будешь танцевать, сколько захочешь.

— Бертран, ну скажи ему! — надула губки принцесса. — Иначе я умру от скуки и не доживу до свадьбы, которой все так ждут!

— Конечно, доживешь, — махнул рукой принц Бертран. — Иначе не сможешь осенью приехать к нам на охоту... Представляешь, какой пышный будет выезд?

— Конечно, я ведь уже буду королевой, как мама!

— А еще лучше приезжай весной, на пир Воина. Сплетешь мне маковый венок... Здесь, наверное, они и не растут.

— Макový? — Эл и не заметила, как обернулась. — Что это такое?

— Мак — красный полевой цветок, — принц склонил голову набок. — Он зацветает в конце декады Воина, и у нас говорят, что это следы бога, уходящего с поля боя и роняющего капли крови на землю.

— Целые поля красных цветов... — вырвалось у нее. — Как это, должно быть, красиво!

Он улыбнулся, глядя ей прямо в глаза:

— И ты обязательно это увидишь, Элиза, когда окажешься на юге.

— Если Бертран так просит, — хитро добавила принцесса, — я возьму тебя с собой, Элиза.

Она рассмеялась и задела столик, с которого упало несколько конвертов.

— А это что за гора писем?

— Полагаю, поздравления к свадьбе, — все так же отрешенно прокомментировал Эдвард.

— И я должна все это разобрать? — снова скисла Катриона.

— Было бы неплохо.

— Для этого есть секретари... — протянула она, но все же села за стол и принялась перебирать бумаги. — Хм, а это что такое...

— Кто-то отличился оригинальностью?

— О да, послушайте...

Улыбнувшись, Катриона громко и нараспев прочла:

— Откуда здесь, среди зимы

Златой пшеницы свились косы?

Болотный омут глаз, губ розы,

Откуда здесь, среди зимы?

Что юга яркие цветы?..

Срываешь — и не замечаешь.

А чуду севера внимаешь

И подойти боишься ты.

Принц Эдвард с подозрением посмотрел на брата, вздохнул и отложил книгу. Бертран же холодно сказал:

— Чудо здесь только одно, что мне вообще удалось уложить слова в размер. — Нервно одернув колет, он добавил: — Зря ты прочитала вслух, Китти. Вышло скверно, я не собирался это кому-либо показывать.

— О, так это тайна? — ненатурально испугалась она. — Прости.

Но тут же, хихикнув, обернулась к Эл:

— А что скажет наше «чудо севера»? Элиза, тебе понравилось?

— По-моему, красиво, — пожала плечами Эл и поймала на себе очень серьезный взгляд принца Бертрана. Он ее смутил, но и смолчать было нельзя. — Любая дама была бы счастлива получить такое.

— Да? Что-то я не вижу счастья на твоём лице.

— При чем здесь я? Его Высочество, верно, писал это для леди Клеран или...

— Нет же, смотри, тут сказано про зелень глаз...

Бертран встал, снова одергивая одежду, которая и так сидела идеально.

— Сестра намекает, что стихи эти написаны для тебя, Элиза, и она права. Китти, отдай.

Он забрал листок и отдал его онемевшей Эл.

— Возьми на память. А лучше сожги.

Эл взяла бумагу и, кивнув, прошептала:

— Я сохранию это, Ваше Высочество...

Он безразлично кивнул и вышел. Эл пробормотала что-то про остывшее вино, которое нужно заменить, схватила кувшин и выбежала следом, не дождавшись даже разрешения Катрионы.

Едва закрыв дверь, она услышала, как принц Эдвард укоризненно спросил:

— Что за спектакль, сестра?

— Бертрану хотелось приключений на севере... По-моему, вышло достаточно весело.

— Он правда посвятил это служанке?

— А что тебе не нравится? Уж лучше она, чем мои глупые фрейлины. С ней, по крайней мере, не будет проблем...

Эл побежала прочь, не желая слушать дальше. Спрятанный в рукаве листок жег угольком, а в голове стучала только одна мысль: принц думал о ней, он обратил внимание и даже... Ох, нет, нет, не может быть!

Элайв всегда казалось, что работа слуг — задача совсем нехитрая. Принеси-подай, только постарайся ничего не сломать и не разбить. Всего-то. Прежде ей частенько приходилось помогать кухарке или горничным, и Эл не без удовольствия отмечала, что она получает замечания реже остальных. Но сейчас все было совсем иначе.

Элайв жалась к стене пиршественного зала, надеясь затеряться среди прочих слуг. Ничего серьезного ей пока не доверяли, и Эл была этому только рада. Нет, она прекрасно умела и подать ужин, и исполнить поручение, но в присутствии благородных господ у неё начинали мелко дрожать руки, а все до единой мысли убегали из головы. К тому же после истории со стихами она старалась держаться от принца Бертрана подальше. Кто знает, на что еще он способен.

Высокий потолок терялся в темноте, будто его не было вовсе. Стены завесили шелковыми флагами, которые искрились синим и золотым в неверном пламени свечей и фонарей. Впрочем, их блеск не мог затмить золоченых одеяний гостей.

На вечер были приглашены самые знатные люди королевства. Южане, которые приехали в дорожных костюмах, а потом все время ходили в меховых плащах, теперь решили блеснуть красотой своих нарядов, и от их пестроты рябило в глазах. Богатые ткани, названий которых Элайв не могла и предположить, изящная вышивка, камни, сложные рукава, воротники, прически... Все это сливалось в сплошной круговорот роскоши, на который было больно смотреть.

С тоской вспоминала она свой родной дом, бедный замок, в котором жила с люминой, даже ту полуземлянку, из которой ушла пару секстин назад... Самое маленькое колечко с пальца принцессы стоило дороже, чем все это, вместе взятое. Холодный пот выступал от одной мысли, среди каких людей она оказалась. Она сама, и все, что она видела и знала до того, как попала в королевский замок, было лишь пылью на сапогах собравшихся здесь. Надоедливой и вездесущей пылью, с которой приходилось мириться, но от которой никуда не деться.

Не веря своим глазам, Элайв смотрела на короля Терравирис во главе стола. Ричард Тервальд на правах хозяина занимал высокий резной трон. Он казался холодным и властным, как, впрочем, и полагается государю суровой северной страны. Издалека Эл не могла как следует рассмотреть черты его лица, она заметила только высокие скулы, которые будто делали выражение его лица еще более надменным.

По правую руку от него восседала Маргарита Фернеол. Ее золотые волосы сливались с золотым же одеянием, хоть и были едва тронуты сединой. Черный лиф платья контрастировал с ее белой кожей, а черно-золотые буффы на рукавах приковывали внимание к ее тонким рукам. Королеву Ферлиберт нельзя было упрекнуть в скованности, но казалось, будто ей немного неловко. Все ее внимание занимало расположение приборов на столе: она то и дело перекладывала ложки и ножи, переставляла свой кубок.

Воздуха не хватало, хотя в зале было свежо и даже прохладно. Когда она посмотрела на столы слева от короля, дышать стало совсем тяжело. Лорд Блэксворд брезгливо ковырял ножом содержимое своей тарелки.

Следом за ним сидели графы и графини, владельцы земель Терравирис. Они не блеснули золотом, как южане, — север предпочитает холодное серебро, — но выглядели не менее ошеломительно. Плотный бархат, тяжелые драпировки... Только одна дама выделялась среди них

своей скромностью: её черное платье не было бедным, но звучало длинной низкой нотой среди кричащего многоголосья.

— Элиза! Эл!

Она и забыла, каким именем назвалась, и откликнулась, только когда управляющая дернула её за рукав.

— Что?

— Где ты витаешь? Дай полотенце!

Элайв бросилась к маленькому столику для слуг. Полотенце нашлось быстро, и спустя пару мгновений его уже подавали принцессе.

Та едва успела вытереть руки, как король Терравирис поднялся на ноги, и все смолкли.

— Господа! Наши дорогие гости! Вы прекрасно знаете, что случится завтра, но я не могу не сказать об этом снова и во всеуслышание. Завтра на закате будет дана клятва, которая все изменит. Я долго и безуспешно искал женщину, которая могла бы стать королевой нашей страны и моей женой. И теперь я обрел её в прекраснейшей из девушек, — он перевел мягкий взгляд на принцессу, и она зарумянилась под его взором. Король поднял кубок. — За Катриону Фернеол!

— За Катриону Фернеол! — хором грянули гости, поднялся шум, звон, кто-то смеялся.

Только молодая дама в черном не притронулась ни к вину, ни к еде.

Когда стало чуть тише, Маргарита Фернеол повернулась к королю Тервальду:

— Как быстро все меняется, не правда ли? Несколько лет назад никто и подумать не мог, что мы все соберемся здесь по такому радостному поводу.

— Рано или поздно это должно было случиться. Такие крупные государства, как наши, не могут враждовать вечно.

— Мы с вами войдем в историю, дорогой Ричард, и потомки еще долго будут помнить этот день.

— Несомненно. Каждому из нас пришлось в чем-то уступить, но, — он рассмеялся, погладив свой гладко выбритый подбородок, — мир и благоденствие стоят того.

Маргарита кивнула:

— Мы тоже принесли некоторые жертвы на этот алтарь.

Ричард отхлебнул вина и ответил, криво улыбнувшись:

— Отказ от магии и ложных богов на церемонии... Это скорее приобретение, чем жертва.

Над столом повисла тревожная тишина. Голос королевы Маргариты Фернеол прозвучал сухо и властно:

— Не вам судить о наших богах, Ваше Величество. Кроме того, мы не отказывались от обряда вручения их даров.

Лицо короля Тервальда превратилось в каменную маску.

— Мне казалось, мы достигли согласия. Никакой магии ни на вручении, ни на свадьбе.

— Магии не будет, — кивнула Маргарита. — Но дары богов для жениха и невесты... Без них наши договоренности недействительны.

В зале воцарилась такая густая и вязкая тишина, что стало слышно, как скрипит кожаный колет принца Эдварда, когда он сжимает и разжимает кулаки. Бертран протянул руку сестре, и она схватилась за неё, аж пальцы побелели.

— Ричард, — медленно продолжила Маргарита Фернеол, — мы чтим Владыку так же, как и вы. Мы чтим Матерь. Но на новом этапе жизни нашей дочери нужна защита всех богов, и она её получит.

Король молчал, а остальные не смели и глаз поднять.

— Свадьба в декаду Темного... — продолжала королева медленно. — Мы уступили, позволив это отступление от обычаев, и тем сильнее мы будем настаивать на строгом соблюдении обряда.

Вдруг зазвучал громкий и сильный голос:

— Король Терравирис никогда не делает того, что считает неправильным. Он чтит традиции *своей* страны и верно следует им.

Все обернулись на говорившую: это была та самая молодая дама в трауре. Боги милосердные, ей-то что?

Король Ричард даже не поднял головы, но вместо него тихо и вкрадчиво заговорил лорд Блэксворд:

— Герцогиня Эстер, безусловно, права, однако сегодня мы говорим о традициях двух стран. Его Величество уважает обычаи Ферлиберт, но... — он развел руками. — В обоих королевствах невеста переходит из своей семьи в семью мужа, принимая новые правила. Разве не так должно произойти и в нашем случае?

Королева Маргарита отвернулась, поджав губы.

— Мы признаем Воина и Доброго сыновьями Владыки, — наконец ответил Ричард. — Но Мудрая...

— Матери дорог каждый из её детей, — перебила Маргарита Фернеол. — И вы не посмеете...

— Каково ваше решение? — глухо спросил Эдвард Фернеол, кинув предостерегающий взгляд на мать.

— Магии на нашей земле не будет никогда, — Тервальд ни на кого не смотрел и говорил тихо, но голос его был слышен каждому. — Мы примем подарки от Воина, Доброго и... от матери невесты, королевы Маргариты.

По залу прокатился облегченный вздох. Блэксворд вскочил, поднимая бокал:

— Да здравствует мудрейший и милостивейший из королей! Слава Ричарду Тервальду!

— Слава! — закричали северяне, вскакивая с мест. Южане последовали их примеру, впрочем, с гораздо меньшим рвением. Принц Эдвард остался сидеть, скрестив руки на груди.

В поднявшейся суматохе Элайв успела заметить, что герцогиня Эстер так и не притронулась к вину. Казалось, что она не видит никого вокруг и полностью погрузилась в свои невеселые мысли.

Как, должно быть, тоскливо среди шумного пира не чувствовать ни одной родной души рядом. Сколько так можно прожить? Год? Два? А если всю жизнь... И подумать страшно! Эл бы точно так не смогла. Ей было проще сбежать, спрятаться, перестроить все вокруг заново, но только не постоянная ноющая боль. Как жить, если тебе плохо, а изменить ничего нельзя?

Эл шмыгнула носом, кажется, слишком громко. Из-за левого плеча послышалось:

— Платок дать? Или свой есть?

Она обернулась: рядом стоял молодой человек, которого она только что видела у кресла Блэксворда. Тоже охотник? Неужели узнал в ней ведьму?..

Эл отвела глаза, изо всех сил стараясь сохранить безразличный вид, хотя внутри все заledenело.

— Ничего мне не нужно, — буркнула она, надеясь, что он обидится на грубость и сейчас же уйдет. Но вместо этого он сказал:

— Я слышал, будто южанки такие нежные, что могут расплакаться даже от сквозняка. Получается, правда?

— Откуда мне знать, я не южанка.

— Да? — в его голосе слышалось неподдельное удивление. — А я думал, что ты с Фернеолами приехала. Раньше я тебя здесь не видел.

Эл снова обернулась, чтобы рассмотреть его получше. Юноша был едва выше, его глаза имели какой-то хитрый прищур, не пропадавший ни от улыбки, ни от удивления. Светлые волосы, старательно приглаженные перед пиром, снова топорщились в разные стороны, осо-

бенно на макушке. Заметив ее взгляд, он торопливо поправил их, а потом взглянул прямо и цепко. Эл подумала, что разговор этот он завел не просто так.

— Я служу южанке, но это ничего не значит, — ответила Эл с вызовом. Юноша продолжал буравить ее взглядом, поэтому она спросила: — А ты кто такой?

— Меня зовут Филипп Ревстейн, я ученик лорда Блэксворда, слышала, наверное.

Эл передернуло. Оставалось лишь надеяться, что Филипп этого не заметил.

— А тебя зовут...

— Элиза Файтер, — она на всякий случай присела, вдруг положено.

Филипп склонил голову в ответ, а затем с участием спросил:

— Так чего плакала-то?

— А, это... Подумала, что одиноко у вас тут. Не мне, — торопливо добавила Эл, — а вот той леди в черном.

Филипп проследил за ее кивком и удивился еще больше:

— Леди Эстер? Ты про нее?

— А ты с ней знаком?

— Не то чтобы... То есть, конечно, знаю, — быстро заговорил он. — Ее все знают, и ее историю тоже. Приближенная короля. Была когда-то. Тем более, многие считают, что она служит Мудрой, а мне такое положено знать.

Успев расслабиться, Эл снова втянула воздух через зубы. Вот, значит, как? Ну точно, он решил посмотреть на Эл поближе, чтобы убедиться в своих подозрениях. Блэксворд узнал в ней ведьму, вот и его ученик...

Подскочившая к ним управляющая, хлопнула Эл по руке:

— Чего замерла? Господа и так не в настроении, если еще ты заставишь их ждать... Принц Бертран просил еще вина, бегом!

Эл тут же схватила кувшин, который настойчиво совали ей в руки, и побежала к столу. Оглянувшись через мгновение, она увидела, что Филипп пошел обратно к учителю. Эл недоуменно смотрела ему вслед: что это было? Он почувствовал магию или нет? Или подходил не за этим? А зачем?..

— Элиза, куда это ты засмотрелась? Ты льешь вино на десерт! — рассмеялся принц Бертран.

— Ох, Темный его побери...

— Элиза!

Филипп исчез из ее мыслей, и больше в них тем вечером не вернулся.

Глава 4

После того, как с вручением даров было все улажено, прошла половина секстины. И женитьба Ричарда стала неизбежной, как метель в разгар зимы.

За ужином перед началом обрядов Анна избегала смотреть на Ричарда и Катриону. Будто их счастливые улыбки горячим паром жгли глаза. Она понимала: стоит ей только встретиться с взглядом синих... или голубых глаз, и от равновесия, за которое она цеплялась из последних сил, не останется и следа. Только кровь бешено пульсировала в висках, отдавалась легким покалыванием в кончиках пальцев рук и ног, а в желудке словно свивал кольца ледяной змей.

Если бы она могла, она встала бы и сказала прямо в лицо Ричарду — остановись, я люблю тебя... Я. Люблю. Тебя. Ты нужен мне, я не могу дышать без тебя, даже сейчас, когда ты так близко, будто тяжелая рука сжала горло и не пускает воздух. Ты нужен мне, ты был рядом столько лет, и вот пришла другая и отнимает тебя — так просто? На её месте должна быть я. Если бы Ричард знал, как она любит его!..

Но она уже говорила ему — когда-то. Она как наяву увидела его улыбку:

— Я тоже люблю тебя... Как сестру.

«Что же я тогда сказала, — думала Анна. — Что же я тогда...»

Жених и невеста, коротко поклонившись друг другу, в сопровождении свиты разошлись каждый в свою часть замка.

Теперь, даже если бы Анна и захотела, она не смогла бы взглянуть в его лицо.

В отчаянии она осушила кубок и почти сразу же ощутила, как вино начинает мягко кружить голову. Становилось немного легче, и она хотела было позвать чашника, но не успела.

Почувствовав прикосновение к локтю, она обернулась как ужаленная. Перед нею, отдуваясь, стоял лорд Файст, некогда считавшийся прекраснейшим из рыцарей Терравирис. В детстве он был кумиром Ричарда, и принц то и дело принимался рассказывать всем и каждому, как хочет быть на него похожим.

Впрочем, время не пощадило благородного рыцаря, и ныне вряд ли кто-то захотел бы стать его отражением: полноватый, круглощекий, с редкими островками пуха на блестящей лысине.

Лорд Файст был прискорбно стар, но и его не обошла новая придворная блажь. Не прошло и дня после возвращения Ричарда, как мужчины, молодые и старые, ринулись сбривать бороды. Что за мелкое пресмыкательство перед южанами? Впрочем, цирюльники Рейнхилла наверняка не будут жаловаться... если сумеют оседлать переменившуюся моду.

— Что вам нужно, милорд? — спросила Анна холодно, с усилием отводя взгляд от непривычного лица Файста. Смотреть на обвислый подбородок было невыносимо.

— У меня важное поручение! — сообщил ей рыцарь, натягивая на лицо любезную улыбку.

Анна взглянула на него с плохо скрытым презрением.

— Весьма за вас рада. Но что вам нужно?

— Не мне нужно, а королю! — улыбнулся Файст. — Он ждет. Он ищет вас, моя дорогая леди.

Что? Не может быть!

Сердце подскочило к горлу, в ушах вновь зашумело. Бежать! К нему! Неужели ей это не приснилось? Неужели Ричард правда послал за ней? Это значит, она нужна Ричарду. Нужна! Может быть, не все еще потеряно. Может, Ричард...

Мелькали, проносясь мимо, факелы — ее будто тянуло на невидимой упругой нити прямо к покоям короля.

Постучать Анна не успела. Двери распахнулись, и пара рук легко втянула ее внутрь.

Мужские голоса, смех, много света — все это на мгновение совершенно ее оглушило. А затем она все поняла.

Плотные занавеси на окнах были сдвинуты, но десятки, сотни свечей освещали покои Ричарда так ярко, что казалось, будто начался пожар.

Конечно же, Ричард был не один — десятки мужчин окружали его. Хмельных мужчин, что не прочь поразвлечься.

Анна попятилась, как загнанный на охоте заяц.

— Куда же вы, миледи? Вы-то нам и нужны, — прозвучал издевательский голос.

— Нет...

За ее спиной скрежетнул засов, отрезая путь к отступлению.

Нет!

Как много вокруг безжалостных улыбок. Словно загнанный зверь, Анна попятилась, скованная внезапным ужасом. Она выставила руки вперед в беспомощной попытке защититься. И тут же их опустила — видит Мудрая, Анна не хотела выдать себя случайной магией.

— Вы-то нам и нужны, миледи, — почти нежно пропел один из приближённых короля.

— Не надо, — взмолилась она, сама себя презирая. Но ее уже крепко схватили за запястья и бессильную им помешать, понесли.

Только бы не призвать на помощь слуг Вильгельмины. По правде говоря, это всё, чему она смогла научиться. Но и этого бы хватило. Что бы ни было дальше, что бы ей ни пришлось вынести, она хотела одного — жить, а не захлебнуться в немом крике под волнами Латы.

Закрыв глаза, она подумала, что однажды отомстит.

Шаг, другой, третий.

— Сжечь! Сжечь! Сжечь! — молотом ударил по ушам нестройный хор голосов. Анна упорно не открывала глаз, как будто надеялась, что темнота ее защитит. И все исчезнет.

Но кошмар продолжался. Довольно грубо, ухватив под локти, ее поставили на ноги.

— Анна, — позвал ее Ричард мягко. Она зажмурилась еще крепче и почувствовала, как хватка на запястьях ослабела. — Анна, посмотри на меня.

Первое, что она увидела — это отблески свечей, игравшие на его обнаженных плечах. Мягкие тени в ямочках над ключицами. Она почувствовала пламя — но не в руках, а на щеках.

— Сжечь, сжечь, сжечь! Пусть горит огнем все старое!

Вперед выступил юноша в цветах Фернеолов. Серые глаза его смеялись, на губах играла широкая, лукавая улыбка.

— Вы, должно быть, удивлены, сеньора? Редко даме так везет!

Она смотрела на него, оледенев, чувствуя взгляды своих пленителей.

— Так уж вышло, что мы видели вас в очень интересном плаще, как будто вы муж, собирающийся на битву, — продолжал он.

— Я...

Но он поднял руку, останавливая ее.

— Раз уж вы так хотите быть мужчиной, стоит исполнить ваше маленькое желание. Кому как не вам участвовать в одевании жениха? Конкуренток здесь у вас точно не будет.

Да это же принц Фернеол... Младший.

Анна почувствовала, как губы ее начинают дрожать, и сжала их в тонкую линию. Никто не увидит ее слабости. Не сейчас. Пусть ей и хочется ударить наглеца.

Вот Ричард... Ричард за нее вступится, и все будет хорошо. Одна секунда, две, три... ну же... Скажи им, пожалуйста...

Синклит за такое оскорбление потребовал бы бросить вызов южанам.

— Бертран, достаточно, — сказал еще один незнакомый голос.

«Не Ричард», — с тоской подумала Анна. И искоса взглянула на его лицо.

Король так крепко сжал челюсти, что на них вздулись желваки. Понятно. Конечно же, он не станет ссориться из-за нее с Фернеолами. Она ничего не значит. Чужаки позабавятся и забудут о ней. Совершенно незачем волноваться, горько подумала Анна.

Что же, видимо, придется выпить чашу унижения до дна. Но неужели он не скажет ни слова?

— Миледи, прошу прощения от лица моего брата. Это было неуместно, — голос был полон сочувствия, но это снова не был голос Ричарда.

— Вы... — Анна встретила взглядом с серыми, холодными глазами. Еще одними. — Вы не должны за меня заступаться.

— Но я волен это сделать. — Старший брат, несмотря на фамильное сходство, впрочем, разительно отличался от младшего, как если бы поставить рядом ворона и синицу, прекрасную каменную статую и ярмарочный лубок.

Каменную ли? Глаза кронпринца были полны сочувствия — и это, кажется, делало его живым человеком. В отличие от всех остальных.

В глаза ей бросился тонкий шрам, змеившийся по его левой щеке, будто трещина. Как ни странно, этот маленький изъян делал его чуть более... настоящим.

Анна торопливо отвернулась. Не стоило так откровенно его разглядывать. Кажется, принц хотел сказать что-то, но не успел.

— Я не просил за меня извиняться, Эдвард, — перебил его принц Бертран.

— Будь добр заткнуться, — сквозь зубы велел ему старший брат. — Еще не наигрался? Его лицо в этот миг исказилось так, что было страшно смотреть.

— ПРЕКРАТИТЕ!

Ох, оказывается, Ричард не вполне потерял дар речи. Не стоило ей вообще разговаривать с чужаками.

— Если леди Анна захочет, она может уйти.

«Я пожалею об этом», — с тоской подумала Анна и эхом откликнулась:

— Если Его Величество пожелал, чтобы я была здесь, я буду.

И, взяв себя в руки, с непроницаемым лицом еще раз взглянула на Ричарда. «Как бы я хотела, чтобы ты и правда желал меня видеть», — в отчаянии подумала она. И — о чудо — он едва заметно кивнул.

— Сжечь, сжечь, сжечь! — вновь и, кажется, с заметным облегчением грянул хор, по цепочке передавая снятые с жениха старые одежды, которым предстояло отправиться в очаг.

В руки Анне будто из ниоткуда опустилась белая ткань.

— Чего застыла? — хохотнул Брэндон. — Одевай жениха... воительница.

«Я буду сильной, — подумала Анна под всеобщий оглушающий смех. — Я буду сильной. Они ни за что не увидят моих слез».

И, решившись, шагнула вперед.

Белая, как саван, длинная шелковая рубашка скользнула по плечам Ричарда — и Анна встретила его тревожный синий взгляд.

«Я люблю его, — безнадежно подумала она. — Только его — всю свою жизнь. Как будто кто-то заколдовал мои глаза, чтобы они никого больше не замечали. А что же теперь?..»

Не удержавшись, она осторожным, ласковым движением, будто расправляя складки, провела по его плечу. И плавно, точно в танце, отступила на шаг.

Занятые церемонией, мужчины больше не обращали на нее никакого внимания.

«Прочь... мне нужно бежать», — решила она, делая шаг к выходу.

— Вы хорошо справились, — сказал принц Эдвард, вырастая перед ней как из-под земли. — Не каждая женщина выдержит подобную жестокую шутку.

Она не могла подобрать слов. Ни любезных, ни бранных. Только молча смотрела в лицо Фернеолу. Но он, кажется, принял ее молчание за испуг.

— Не бойтесь, миледи, я всего лишь хотел попросить прощения за моего брата. Он часто бывает... не сдержан.

— Так это он все придумал? — ахнула Анна. — То есть... Я хотела сказать... — она осеклась и замолчала, с силой сцепив пальцы.

Наверное, она выглядела смешно.

— Мой брат — идиот. И мне очень жаль, что вам пришлось все это вынести, — сказал принц Эдвард с улыбкой, не то извиняющейся, не то насмешливой. — А теперь, если хотите, я провожу вас в ваши покои.

— Благодарю, Ваше Высочество, — откликнулась Анна бесцветным тоном.

Принц Эдвард смотрел на нее, как будто чего-то ждал, улыбка его погасла. Что ей, на колени перед ним упасть, рассыпаясь в благодарностях? Справедливости ради, кажется, ему одному сегодня было не плевать на её чувства. Что ж, если Ричард так лоялен к Фернеолам, ей тоже стоит попробовать.

— Вашу руку, миледи?

Но она не успела ничего ответить.

— Наша звездочка хочет сбежать, — завопил уже изрядно захмелевший Брэндон. — А ну, держи ее!

— Если вы приблизитесь хоть на шаг, — ледяным тоном бросил принц, резко развернувшись, — я достану меч.

Анна с тоской взглянула на двери. Видимо, такова судьба — если Ричарду она не нужна как женщина, то придется исполнить обряд перед лицом богов как мужчине.

— Это необязательно, Ваше Высочество, — вздохнула она. — Я останусь, но...

Эдвард Фернеол посмотрел на неё настороженно:

— Что?

— Вынуждена просить вас не отходить далеко, — одеревеневшими губами произнесла Анна. — Кто знает, что этим пьяным ублюдкам ещё придет в голову?

— Вы не слишком-то любите своих соотечественников.

— Как вы успели убедиться, это взаимно, — отрезала Анна и отвернулась.

Пышно разодетая процессия с женихом во главе вышла из распахнутых ворот замка под заунывные звуки волынок. Невесты не было видно: она и все дамы Белого Меча, исключая Анну, покинули замок раньше и, тихо пройдя вдоль городской стены, незаметно спустились в Рейнхилл около главного Храма Владыки.

Мужчинам же предстояло более длинное путешествие. С песнями и шутками, освещая себе путь факелами, они должны были пересечь весь город, по центральной широкой улице, вымощенной белым булыжником. Горожане высовывались из окон, рискуя упасть на мостовую, а мальчишки выбегали на улицу и присоединялись к шествию. Их не гнали, и они, весьма довольные собой, расправляли плечи и приподнимались на цыпочки, стараясь рассмотреть короля — ну хотя бы его макушку.

Анна шла по левую руку от Ричарда, и ей, в отличие от детей, прекрасно было видно его лицо, в свете факелов казавшееся странно мрачным и напряженным — кажется, ночная прохлада окончательно выветрила весь хмель из его головы. Украдкой она нашла его пальцы и тихонько, ободряюще пожала. Ричард никак не отреагировал — но и руки не отнял.

Так, рука об руку, они и дошли до храма Владыки.

Ворота распахнулись. Вышел жрец в ало-золотом облачении, неся в руках уже зажженную священную чашу. Вышел — и отступил.

С высоких ступеней хлынуло пламя. Женщины, держа в руках маленькие чаши со священным огнём, медленно и величаво выступили навстречу процессии жениха. Отсветы плясали на их бледных сосредоточенных лицах.

Впереди шла принцесса. Она была невысокой и белокожей — тонкой и мимолетной, точно призрак. Голубые, очень яркие глаза на застывшем лице смотрели на людей так отстраненно, точно она и впрямь, как отлетевшая душа, была где-то не здесь. Легкое облако бледно-золотых волос локонами осеняло ее лоб и окутывало принцессу, спускаясь до талии.

Ступала она медленно и чуть неуклюже, опираясь на руку королевы Маргариты. Ей было тяжело в белой меховой накидке, скрывающей такое же тонкое полотно рубашки, как и у Ричарда. Но даже несмотря на меха, ее трясло.

Белый, похожий на погребальный, наряд удивительно не шел ей: она сливалась с ним, как серо-пыльный ночной мотылек, и это казалось единственным изъяном в безупречной фарфоровой кукле. Хрупкий фарфор так не подходил к каменному, суровому великолепию старого Рейнхилла. Но, прекраснее любой северянки, Катриона была такой, как любил Ричард: светловолосой и яркоглазой.

Жених и невеста выступили вперед — они единственные держали в руках незажженные факелы — и поклонились чаше, полной огня, бросавшего золотисто-оранжевые отсветы на склоненные лица... Впервые так близко друг к другу. Пламя поползло по промасленной тряпиче вверх. Пока они зажгли каждый свой факел — но уже от одного пламени.

— Все, что мое — твое, — сказал Ричард и протянул девушке лук. Принцесса замешкалась, и на мгновение их пальцы соприкоснулись. — Клянусь защищать тебя до последней капли крови.

Как сильно она покраснела, было видно даже в тусклых отсветах священной чаши.

Лук с поклоном забрали, и наступила ее очередь.

— Все, что мое — твое, — громко, но чуть запнувшись, произнесла Катриона. Дрожащими руками она приняла из рук какой-то девушки большую чашу и протянула ее Ричарду. — Клянусь, что твой род не угаснет.

Тот подступил на шаг к принцессе, обогнув разделяющий их огонь, и, склонив голову, сделал ритуальный глоток.

Катриона несмело улыбнулась.

— Все, что мое — твое, — эхом откликнулся Ричард и высыпал в чашу золотые монеты. Судя по звуку, она была почти пуста. — Клянусь разделить с тобой удачу и невзгоды, а сердцу найти исцеление.

Снова поклон — она отступила на шаг, изящно, как в танце, отдала чашу, приняла книгу.

— Все, что мое — твое, — звонко произнесла Катриона, и улыбка ее просияла ярче всех огней. — Клянусь стать защитой твоего очага. Клянусь быть мудрой женой.

Ричард поспешно и, пожалуй, слегка брезгливо, едва касаясь, принял дар — и торопливо избавился от него. Чтобы скверна Мудрой не коснулась его рук.

Он несколько мгновений, не отрываясь, смотрел в глаза Катрионы, будто зачарованный, и наконец поднял руки — медленно, как в полусне, чтобы снять серебряный венец.

— Клянусь быть тебе добрым владыкой.

Поздней ночью после вручения даров Анне не спалось. Полная луна, заглядывающая в окна, странно тревожила. Серебряный свет, касаясь зрачков, колол их, точно иглами, и сколько она ни пыталась зажмуриться, легче не становилось.

Лунный свет... Какая глупость. Не стоило рыдать, глаза были бы целы. Да и если бы слезы могли помочь...

Анна отвернулась от окна. Но теперь казалось, что чьи-то ледяные ладони касаются спины.

Сегодня ночь Матери и Мудрой, ночь полной Луны, ночь силы, когда Темный заперт на ключ и на земле вновь царит мир. Почему же ей так холодно?

Утро после полнолуния, после ночи силы, идеально для королевской свадьбы. Но Фернеолы считали иначе. Свадьба в декаду Темного не сулила ничего хорошего. Конечно, Ричарда не интересовали чужие суеверия и чужие боги. Он хотел поскорее взять принцессу в жены.

Не в силах уснуть, не в силах больше думать об этом, Анна, не зашнуровывая, набросила на себя верхнее платье и отправилась к Вильгельмине. За спасением ли, утешением, подсказкой — она и сама не знала. Да, она не доверяла ей, но больше Анне было не к кому пойти.

Наставница не спала. Сидела в кресле, положив напряженные, точно сведенные судорогой руки на резные подлокотники, и тоже неотрывно смотрела на лунный диск.

В синеве ее глаз дрожало серебро напололам с пламенем свечи.

— Анна, это ты? — на неподвижном лице шевельнулись только губы.

— Ваше Величество.

Отчего-то луна искажала знакомые черты: на секунду Анна подумала, будто лицо Вильгельмины — вовсе не лицо, а маска... Но спустя мгновение наваждение исчезло. Перед ней была все та же королева, которую она знала пять лет.

Будто прочтя ее мысли, Вильгельмина спросила:

— Ты всегда приходишь сюда, когда ищешь защиты. А помнишь, когда это случилось впервые?

Анна молча подошла к окну и коснулась ладонью холодного стекла.

С высоты Рейнхилл был виден так далеко... Сотни огней... Город не спал в ожидании свадьбы.

— Свечи горят, — сказала она тихо. — Все молятся Владыке.

— Ты не ответила.

— Мне было пятнадцать.

Сцены из памяти вставали перед ней будто против воли. Как видение, сон, облитый серебряной глазурью лунного света.

Королева Элеонора была так настойчива.

— Теперь ты будешь приближенной королевы-матери, Анна, — сказала она привычным тоном, не терпящим возражений. И хотя она нежным материнским жестом взяла ее под руку, Анну это не обмануло. Под бархатным голосом Элеоноры скрывались острые лезвия.

Конечно же, ей уготовили честь — честь, на которую ни одна придворная дама не соглашалась. Прислуживать ведьме? В Терравирис? После того, как главный королевский охотник лично отправил в Лату пару служанок Вильгельмины, на это никто не соглашался.

Анна провинилась перед королевой, и та захотела от нее избавиться? Смотрит исподлобья, а глаза холодно блестят.

«Если я сейчас откажусь, — подумала Анна, — меня немедленно отправят в Утонувшую Звезду. Когда-то это было всё, чего я хотела — это был мой долг. Но если выбирать между долгом и Ричардом... я, конечно же, выберу...».

Сердце замерло.

— Благодарю вас, — выдавила она, низко кланяясь. — Я рада повиноваться Вашему Величеству.

Королева Элеонора удовлетворенно улыбнулась.

— Ты весьма разумная девушка, Анна.

Она уныло кивнула. Рука королевы на её локте сжалась крепко, как тиски.

День, тот самый, последний день тянулся почти бесконечно. Её сундуки и шкатулки переносили с места на место — королева все никак не могла решить, куда ей поселить Анну. Придворные же смотрели на нее кто с откровенным любопытством, а кто и с жалостью. Как будто ее и впрямь отправляли в ссылку.

И если утром она поклялась себе сколь угодно долго оттягивать момент, когда ей все-таки придется идти в башню к ведьме, то уже после полудня Башня Королевы казалась ей не самым плохим местом в Белом мече. Там, по крайней мере, не будет этих взглядов и перешептываний.

Путь по крутой винтовой лестнице показался ей тогда странно знакомым — темнота была манящей, как полное звезд небо, которое вот-вот опрокинется и утащит в бесконечную глубину. Ее будто тянуло туда невидимой нитью — все быстрее, быстрее и быстрее, так что, переступив последнюю ступеньку, Анна едва не врезалась лбом в закрытую дверь. Страшный ключ от которой — клыкастая морда, буква В — лежал в ее мигом вспотевшей ладони.

— Все это ради Ричарда, — шепнула она себе под нос. — Ради Ричарда.

Было так темно. Близилась ночь Темного, ночь новолуния.

Анна приоткрыла дверь и замерла на пороге, даже не успев открыть рот и толком осмотреться.

— Здравствуй, Анна Эстер, — прозвучал тихий, но властный голос.

Старая королева, бабушка Ричарда, была странно маленькой и хрупкой. Как серый, пыльный ночной мотылек, прилетающий вечером на пламя свечей. Но в ней еще было нечто царственное: в идеально прямой спине и наклоне шеи, в короне седых волос, венчающей голову, угадывались черты со старого портрета некогда молодой королевы. В ярких, синих, как у Ричарда, глазах. Почему-то видеть знакомые глаза на чужом лице было жутко.

Вся заготовленная любезная речь мигом вылетела из головы.

— Ваше Величество, я... я буду служить вам, — пробормотала она, запинаясь.

Королева Вильгельмина рассмеялась, и смех ее не походил на старческий.

— Знаю. Это я тебя выбрала, — сказала она просто, как будто беседовала со старым другом, но от этой простоты Анна вздрогнула. — Не пугайся, — продолжила Вильгельмина и повела рукой в приглашающем жесте.

На негнувшихся ногах Анна шагнула из мягкой обволакивающей тьмы к золотому пламени свечей — и не сумела сдержать пораженный вздох: сколько книг и старинных свитков! Какие большие окна! А одну из стен целиком занимали склянки. В них, точно замороженные в кристаллы льда, застыли цветы и травы. Золотистые, пурпурные, прозрачно-голубые лепестки... Кружевная зелень трав — среди зимы! Откуда же это?..

— Если хочешь, можешь подойти ближе, — тихо дозволила Вильгельмина. — Кто знает, может быть, из тебя выйдет толк.

— Благодарю, — отозвалась Анна заворуженно. Сделав несколько шагов, она коснулась гладкого стекла.

— Смелее, — кивнула королева.

Вытряхнув содержимое одной из склянок на ладонь, Анна коснулась лепестка, казавшегося таким свежим. Он тут же рассыпался пылью под пальцами. В воздухе разлился странный, ни на что не похожий аромат — цветочный и одновременно сладковатый и пыльный, точно запах старых книг.

— Они же сухие, — ахнула Анна.

И снова этот резкий, почти девичий смех.

— Не травница, не зельевар... И что мать в тебе нашла?

— Мать Ричарда? — удивилась Анна. — Её Величество... Она была добра ко мне.

Улыбка Вильгельмины стала похожей на оскал.

— Так добра, что отправила ко мне... Что ж, ничего не поделаешь. Посмотри мне в глаза, Анна Эстер, я приказываю, — голос ее стал вкрадчивым, властным, ему невозможно было сопротивляться.

Анна послушно подняла взгляд.

Синие глаза королевы смотрели пронизывающе и холодно, но она вдруг ощутила непонятное единство. На секунду Анна точно сама стала Вильгельминой, одинокой, всеми покинутой королевой, запертой в одиночестве... Навсегда.

Анне почудилось, будто с нее сорвали платье, сняли кожу, обнажили череп — прозрачный, как склянки с цветами, и изнутри пыльными мотыльками бьются все-все мысли и самые потаенные желания.

Возьми их. Забери их. Они твои.

Через миг наваждение рассеялось. Анна потрясла головой, смаргивая подступившие слезы. Здесь, наверное, слишком жарко. Нужно попросить слуг не так усердно топить камин... Она слишком устала. Слишком...

— Ты же меня не покинешь, девочка? — мягко спросила Вильгельмина.

— Не покину, — как в полусне, повторила Анна. — Не покину, — повторила она почти беззвучно. — Но я не понимаю, зачем я вам.

— Затем, что ты станешь королевой. Если только этого захочешь.

— Верно, тебе было пятнадцать, — вернул ее в настоящее голос Вильгельмины. — Ты всегда была предназначена мне... Это решилось еще тогда. Названная дочь, мое продолжение, — в голосе ее зазвенел металл. — Я чувствую твои мысли. Ты помнишь, что я обещала тебе Ричарда и трон Терравирис?

Помедлив, Анна кивнула. Как будто она могла об этом забыть.

— Вы сказали тогда, что я стану королевой. Что выполню свой долг перед Утонувшей звездой сполна и даже больше — как и не мечтал мой отец...

Смех Вильгельмины был старческим, дрожащим, как и ее руки. Однако за эти пять лет она каким-то образом сумела пережить и своего сына, короля Герарда, и его жену Элеонору.

— И теперь ты думаешь, что я тебя обманула?

— Утром он женится, — слова звучали хрипло, царапали горло. — Если вы знаете способ, как обернуть время вспять, я с радостью выслушаю вас... Ваше Величество.

Вильгельмина покачала головой.

— Я дала тебе силы. Я дала тебе власть над тенью. Все, что могла, и все, что имела, без остатка. Неблагодарное дитя.

Анна выпрямилась и пару секунд неверяще смотрела в сморщенное лицо.

— Что толку от этих сил? Что они мне дали? Ричард ненавидит ведьм! И женится сейчас не на одной из нас! — выкрикнула она.

— Но ты ведьма. Так используй это.

— Мне пойти и утопиться? — горько усмехнулась Анна.

— Вы, Эстеры, этим славитесь, — ехидно отозвалась Вильгельмина, — но попробуй хоть однажды подумать, что ты можешь *сделать сама*, чем попусту обвинять меня.

— Что я могу сделать? Он любит ее. Зелья, способного это исправить, нет. Все бессмысленно!

— Помнишь сказку о Мудрой, что я тебе рассказывала? Так вот... Однажды мой муженек Конрад точно так же, как принц из сказки, решил, что он хочет себе заморскую девицу, которую, представь себе, милая Анна, он видел только на портрете.

Голос Вильгельмины сделался сладким, как молоко с медом.

— Он нашел себе любовницу за Солнечным морем? — нахмурилась Анна. Это было так странно, но по застывшей улыбке Вильгельмины она поняла, что ответа не получит. — И что же вы сделали?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.